

САМАРКАНД (1975 – 1985)

ЖЕМАЙТИС О.Ф.

OLGERDZHEMAITIS@YANDEX.RU

Прибыв в Самарканд в декабре 1975 года из Ашхабада, где до этого служил, я представился исполняющему обязанности командира 114-й дивизии кадра полковнику Туровскому Владимиру Соломоновичу (слышал, что по паспорту он был Израилем Соломоновичем), бывшему в то время начальником штаба дивизии. Про Туровского я вскоре узнал, что он 20 лет прослужил в Казанджике, ибо по национальности был евреем, поэтому считался не выездным и малоперспективным с точки зрения продвижения по службе. Наверное, поэтому, как я смог вскоре убедиться, обладал дурным характером и в карман за обидными словами не лез, когда кого-нибудь распекал за упущения по службе. С ним тяжело было иметь дело по отчёту за отработку каких-либо документов. Туровский обладал взрывным характером, и ему доставляло патологическое удовольствие унижать любого своего подчинённого в присутствии других офицеров.

Командиром дивизии в то время являлся полковник Дегилевич Виктор Иосифович, сменивший недавно на этой должности полковника Ильина, уволенного на пенсию, и уехавшего в Одессу к себе на родину. Дегилевич был, в отличие от своего начальника штаба, уравновешенным, компанейским человеком, и с ним можно было найти взаимопонимание и получить поддержку. Об этом я свидетельствую как его сосед по дому, в котором мы жили.

Представился я и начальнику политотдела подполковнику, вскоре полковнику Федотову. Его в начале 80-х годах на должности сменят по очереди полковники Шморгун и Бутько (в конце 80-х годов Бутько ушёл на должность начальника политотдела Самаркандского высшего военного автомобильного командного училища, СВВАКУ). Федотова направят сначала в Афганистан, затем, по-моему, в Московский военный округ, в Ярославль на равноценную полковничью должность в военкомате.

Затем представился зам. по вооружению дивизии подполковнику (фамилию не помню), которого вскоре сменят подполковники Роменский и полковник Ставицкий. И начальнику тыла полковнику Крикусу.

О Федотове, Роменском и Крикусе я могу говорить только в положительных тонах. Чего не могу себе позволить в отношении Ставицкого. Если по Фрейду в каждом человеке уравновешенно живут дьявол и ангел, садист и святой, то у Ставицкого первое значительно преобладало над вторым. Говорил он со всеми подчинёнными свысока, оскорбительно, по-барски.

Каждого офицера и прапорщика рассматривал как инфузорию, с которой можно делать всё, что угодно. Наверное, считал, что чем будет хуже этому одноклеточному, то ему, заму по вооружению дивизии будут одни только прибавления по службе. Он, как и Туровский, из-за своей еврейской национальности, очевидно, с детства считал себя незаслуженно обойдённым с дежавю в душе по еврейским дореволюционным погромам в местечковой российской окраине. И, наверное, поэтому всю свою желчь выплёскивал на подчинённых всех других национальностей, которых считал по всей вероятности своими врагами, низшими существами и средством для продвижения по службе. Представьте себе униженных в прошлом палестинцами евреев, которым вдруг дали в подчинение несколько сот пленных палестинцев. Но генералом всё равно не стал и, как я слышал, после увольнения в запас уехал в Израиль на постоянное жительство. Сами их земляки по Земле Обетованной 114-й дивизии называли Туровского и Ставицкого «воинствующими евреями» и удивлялись их безнаказанной распоясанности.

Туровского и Ставицкого объединяло ещё одно качество – в случае какого-либо словесного противодействия со стороны подчинённых или ярко выраженной ответной грубости они тут же поджимали хвосты, замолкали и уходили в свои полковничьи мундиры, которые сами же только что оскверняли откровенным хамством и грубостью.

Ставицкий в начале 80-х годов уйдёт в штаб округа в Ташкент на равноценную должность, а вместо него придёт полковник Неуймин, уравновешенный и грамотный офицер.

В 80-х годах несколько раз сменится командование дивизии. Дегилевич уйдёт на заслуженный отдых. Вместо него в нашу дивизию прибыл полковник Давыдов из ПрибВО, ушедший через несколько лет на генеральскую должность - начальником управления кадров Северо-Кавказского военного округа, на которой вскоре за что-то провинился, был уволен в звании полковника и вскоре на гражданке умер. На его место был назначен полковник Красичинский, ушедший в начале 80-х годов на генеральскую должность командира развёрнутой дивизии в Прибалтийский военный округ.

В 1984 году Красичинского сменит полковник Колесник, ушедший через несколько лет на генеральскую должность Военкома Туркменской ССР. Вместо Туровского, уволенного на пенсию, в начале 80-х годов придёт полковник Лисеенко (он уйдёт через несколько лет советником в Монголию), которого сменит полковник Фролов.

Из командиров полков дивизии помню полковников-мотострелков: Парулаву, Абдинабиева, Кипчакова, Натненкова, Метёлкина, Соскова и Макухина.

А также командира танкового полка полковника Епифанцева и командиров зенитно-артиллерийского полка полковников Саблюченко и Ярового (погиб в Киеве на гражданке, перелезая с одного балкона на другой, чтобы открыть

входную дверь своей квартиры). Был знаком с подчинёнными Ярового: майором Басалаевым (при мне был уволен по выслуге и возрасту), командирами батарей капитанами Дубриковым (уволен был вскоре на 30% пенсии), Бойко (закончил заочно академию и убыл в Термез на повышение) и Проскуриным (тоже уволен был на 30%), нач.автослужбы майором Аникеевым, старшими лейтенантами Ивченко (вскоре был уволен без пенсии за дискредитацию звания), Ананьевым (мечтал об увольнении из армии и добился её за дискредитацию звания офицера) и др.

Из начальников инженерной службы дивизии помню подполковника Волобуева, прибывшего к нам в 80-х годах из Ашхабада и командира батальона подполковника Кулаева и его заместителя майора Ключева Игоря Александровича.

Начальника автомобильной службы подполковника Дешко.

Начальников связи подполковников Зозулю и Корсака.

Из начальников разведки подполковников Захарова и Воронцова.

Начальников службы ракетно-артиллерийского вооружения подполковников Самарина, майора Червинского Стаса и майора Земскова.

Начальника вещевого снабжения майора Хаджаниязова, которого сменит вскоре капитан, затем майор Жердев (зять Туровского).

Жердев получит назначение в Афганистан на должность зам по тылу полка, где вскоре из-за одного ЧП по вине его солдата-водителя в командировке в Термезе, связанного с неосторожным обращением с оружием и с гибелью в связи с этим гражданской девушки с понижением будет отправлен в Кушку.

А на его место начальника вещевого снабжения у нас поставят капитана Голуба Лёшу.

Начальника продовольственного снабжения капитана Борю Эйзенштейна.

Начальника финансового довольствия майора Филимонова и его помощника прапорщика Музянова.

Начальников оперативного отделения дивизии подполковников Щелкова, Шишкина, Кальченко и Захарова, убывшего от нас в Афганистан. И вскоре вернувшегося с понижением вместо Кальченко, уволенного в запас.

Начальников связи подполковников Стрельника и Ходько.

Начальников химической службы подполковников Кирвалидзе и Фёдорова.

Помощников начальника штаба по мобилизационной работе подполковника Устюгова и капитана Рудакова.

Начальника службы ГСМ майора Полежаева.

Начальников 8 отдела капитанов Костина и Дубкова.

Секретчика прапорщика Лиходея.

Менялись и начальники отдела кадров дивизии. Сначала его возглавлял подполковник Пеньков, получивший полковника как участник Великой Отечественной войны. Вместо него, ушедшего на пенсию, эту должность займёт подполковник Кропотов. Уволят при мне и Кропотова на пенсию по возрасту и выслуге лет и на его должность поставят танкиста подполковника Братчуна.

Также я представился своему непосредственному командиру дивизиона подполковнику Буту Фёдору Григорьевичу, с которым мне теперь предстояло работать в должности начальника штаба дивизиона. И начальнику ракетных войск и артиллерии дивизии полковнику Запаловскому Эдуарду Тадеушевичу с его начальником штаба подполковником Руденко (в 1987 г мы с ним встретимся в Ленинграде на ЦАОКе, где он в звании полковника будет преподавать «стрельбу и управление огнём»).

Офицеры артиллерии дивизии занимали две комнаты штабного деревянного барака, выложенного снаружи кирпичом. В одной комнате разместились Запаловский с Руденко. В другой – командиры дивизионов и их замы. В этих же комнатах происходило распределение дефицитных продуктов на 1 неделю по государственным ценам из расчёта: мяса по 1 кг на семью (по 1 руб 90 коп за 1 кг), 10 яиц (за 1 руб 30 коп) и какой-нибудь колбасы по 500 грамм тоже на каждую семью (в основном «докторской» по 2 руб 20 коп за 1 кг), независимо от состава семьи. На самаркандском рынке все эти продукты стоили: мясо говядина – по 6 руб за кг, свинина – 4 руб за кг, 10 яиц – от 2 руб 50 до 3 руб 50 коп. Колбасы и кондитерские изделия мы в магазинах и на базаре не покупали из-за их низкого качества. А цена на фрукты и овощи на самаркандских базарах была точно такой же, как и на московских. За исключением арбузов и дынь. При моей зарплате в 300 рублей в месяц не очень разгуляешься. К тому же у всех продавцов отсутствовала сдача, поэтому цены в магазинах и на рынках округлялись до одного рубля с выгодой для продавца. Высокие цены на фрукты и овощи объяснялись очень просто – почти все сельскохозяйственные земли в Узбекистане были заняты посевами хлопка. Из-за чего земля быстро истощалась, и никакая дополнительная вода не могла повысить урожайность. Республика во что бы то ни стало должна была давать план по повышающимся с каждым годом социалистическим обязательствам. А для этого с каждым годом, как раковая опухоль, росли площади под посевами хлопчатника в ущерб другим сельскохозяйственным культурам. Доходило до того, что в узбекских городах между жилыми домами вместо газонов и клумб рос хлопок. Что в конечном итоге приводило к истощению всей земли в республике и чиновничьим припискам по урожайности. Поэтому и результат – килограмм винограда на рынке стоил как килограмм мяса, ибо сельхозпродукция из этих истощённых хлопком земель шла на «севера» Советского Союза, а также в Сибирь, на Дальний Восток и т.д. Персики, гранаты, инжир, курага, кишмиш и прочие фрукты в госторговле отсутствовали. Всё это можно было купить только на рынке и втридорого

О Запаловском и Буте могу говорить только одно хорошее. Это были уравновешенные, требовательные, грамотные офицеры, много сделавшие для повышения артиллерийской квалификации своих подчинённых. Особенно полковник Запаловский, в совершенстве знавший все артиллерийские

дисциплины и часто собиравший нас для решения какой-либо артиллерийской задачи из Курса стрельб.

Помню, что занятия эти часто перерастали в дискуссию, в споры до хрипоты и особенно усердствовал в этих словесных перепалках майор, затем подполковник Назаретян Роберт Гургенович, благодаря своему южному кавказскому темпераменту.

Познакомился с заместителем по снабжению дивизиона майором Живиликом, прибывшим к нам в дивизион после увольнения на пенсию одного майора, фамилию которого, к сожалению, забыл. И был представлен трём командирам батарей: капитану Олейнику Геннадию, капитану Шохину Николаю Васильевичу (оба знакомы мне были уже по Казанджику, у которых я находился в подчинении несколько месяцев в 1972 г) и капитану Пирогову Николаю Викторовичу.

Был также представлен взводу хранения и обслуживания дивизиона в количестве 15 человек во главе с командиром взвода прапорщиком Фоминым.

Прапорщик Фомин нерадиво относился к обязанностям командира взвода, пьянствовал, прогуливал службу, и нам с Бутом часто приходилось стоять на ковре командира дивизии и краснеть за различные нарушения дисциплины солдатами дивизиона.

А однажды, приехав с месячных сборов артиллеристов из Келяты, я на первом же построении взвода не досчитался одного солдата. О дедовщине и неуставных взаимоотношениях и речи не могло быть. Помню даже его фамилию – Лукоценко. Фомина не было на службе – он в то время бил на увольнение из армии, как мы называли это явление, «находился в бегах» и редко появлялся на территории части. Живилик учился в своём институте. Бут болел. Запаловского с Руденко тоже не было в части. Можно было не сообщать начальству о пропавшем солдате. Тем более, когда я узнал от солдат, что он за пределами гарнизона, в Чархине, живёт у каких-то бабаёв и отсутствует в части уже несколько недель. Адрес был известен, и можно было самому съездить и втихомолку привезти этого дезертира в часть. Всё же я пошёл на принцип и сообщил о случившемся командиру дивизии. Мне выделили грузовую машину. Я взял с собой солдата, который знал адрес этих узбеков, и вскоре привёз Лукоценко в часть. Надеюсь, что наконец-то этого разгильдяя и пьяницу накажут по всей строгости закона. Тем более, что и раньше он довольно часто нарушал дисциплину и нам с Бутом приходилось часто вставать на совещаниях в качестве плохих воспитателей своих подчинённых. Имело место явное оставление гарнизона, за что Лукоценко светил уже по закону не дисциплинарный батальон, а минимум 5 лет заключения в колонии строгого режима.

Не тут-то было. В итоге этого солдата никак не наказали, даже гауптвахтой, и он продолжал доставлять нам неприятности. А вот я получил от командира дивизии «предупреждение о неполном служебном соответствии» как не обеспечивший порядок в подразделении. Несмотря даже на то, что меня не

было в части, когда Лукоценко покинул гарнизон. Значит, плохо воспитывал этого солдата, которого родина вручила мне под мою ответственность. А командованию дивизии не было резона возбуждать уголовное дело и тем самым брать на себя лишнее ЧП в части, чтобы не досталось по полной программе от Командующего округом и тоже за плохую воспитательную работу. Чтобы не было упреков типа, как же вы, товарищ полковник, будете командовать развёрнутой дивизией, если не можете обеспечить порядок в бумажной дивизии кадра, когда у вас весь личный состав умещается в одном сейфе? Из сейфа они у вас, что ли, бегают в самоволки?

Приходилось только диву даваться сложившейся в армии системе. Когда простого солдата нельзя было наказать в соответствии с его проступком и военным законодательством. А вот из их воспитателей можно верёвки вить — с них не убудет. Так спокойнее. Ведь майору или подполковнику было что терять, в отличие от прапорщиков и младших офицеров. И мне в связи с этим вспомнились слова командира 55-ого армейского полка полковника Шеремета в Ашхабаде, где я до Самарканда проходил службу, сказанные им на одном из совещаний: «Стоит только немножко лейтенанта или даже капитана прижать — они уже служить в армии не хотят». А ведь офицеры от лейтенанта до капитана наравне с сержантами и старшинами всегда являлись в армии основными воспитателями солдат. Видимо, где-то с 70-х годов для всей Советской Армии уже и командиры рот и батарей вместе со старшинами, сержантами и ефрейторами были потеряны как надёжные наставники своих подчинённых.

И такое либеральное отношение к проступкам солдат и сержантов порождало только чувство безнаказанности у них и отнюдь не служило делу укрепления дисциплины.

Поэтому часто приходилось быть свидетелем, как солдаты посылают офицеров на три буквы. Даже полковников за сделанные замечания. И все офицеры по сути были бессильны перед таким осквернением своих погон, ибо армейские законы совершенно не работали, а командование любой воинской части не желало выносить сор из избы и кого-либо наказывать, не желая подвергать опасности своё продвижение по служебной лестнице из-за «неумения вести воспитательную работу с подчинёнными».

Были и такие солдаты, которые демонстративно не выполняли все приказы и распоряжения своих командиров. После подъёма, на котором по распоряжению командира дивизии должен был присутствовать офицер не ниже майора, с подушкой залезали под кровать и продолжали свой сладкий сон. Потому что солдат твёрдо знал — ничего ему за это не будет. Никто не станет катить на себя бочку, когда любой командир части больше всех остальных мечтает о генеральской должности. В отличие от солдат, которые грезят гражданкой и мечтают о генеральской квартире, которая, впрочем, ничем не отличалась от квартиры простого рабочего или инженера. Слышал, как и прапорщики в ответ на замечание даже командира дивизии или его зама грозили «по стенке размазать».

Как говорится, «нет большего рабства, чем равенство всех членов общества». Прimitивный социализм и имел примитивную армию с примитивными, легкомысленными взаимоотношениями в ней между начальниками и подчинёнными. Когда права в соответствии с выполняемыми обязанностями каждого должностного лица ничем не защищены по закону. Даже в том случае, когда солдаты или младшие по званию применяют физическое насилие к своему начальнику или командиру, заставляя его идти у них на поводу. А гарнизонным прокуратурам и без того хватало дел. Не предусмотрены адвокатские конторы в армии, поэтому и бардак в воинских коллективах, и сплошное очковительство и лакировка действительности. И, насколько мне известно, положение до сих пор не изменилось. Потому что не понятно, какой капитализм построен в нашей стране: олигархический, бюрократический, периферийный, номенклатурный, административный, экспортно-сырьевой, государственно-монополистический или ещё какой другой. Вместо цивилизованного рынка в экономике и соответствующей ей армии мы пока что имеем спад производства во всех областях экономики, разболтанную армейскую структуру, на вооружении которой имеется ядерное оружие.

К тому же из и так скудных доходов страны должны периодически «посыпать седые кавказские горы денежными зелёными купюрами», как на всех, даже самых заурядных посиделках аксакалов по обычаям древних гор. Иначе все эти горы разбегутся в разные стороны. Впрочем, как и многочисленные другие дотационные районы России, чтобы население всех этих районов не впало в отчаяние и не подумывало бы о политической и экономической самостоятельности.

Какие там адвокаты, какая защита прав! Капитализм – это в первую очередь соблюдение законности и порядка. А если вместо рынка криминальный базар и вседозволенность, то построен ли он вообще в нашей стране? А ведь «армия – это скелет общества».

И если в 70-х – 80-х годах прошлого века ежегодный доход СССР, обеспечивавшийся лишь за счёт продажи золота, нефти, газа и оружия в другие страны равнялся 32 миллиардов долларов, что равнялось трети дохода одной только такой американской корпорации, как «Дженерал Моторс». То и говорить о боеспособной и дисциплинированной Советской Армии с самой большой численностью в мире в 6,5 миллионов военнослужащих, щеголявших в кавалерийских войлочных шинелях с простроченными обшлагами рукавов со времён Петра 1-го, не приходилось. И это не принимая во внимание другие силовые структуры страны: МВД, КГБ, Пограничные войска и др. «Жёлтый дьявол» после сказок о светлом будущем стал всё больше и больше править бал в стране. Когда перед этой повальной меркантилизацией населения советское правительство, мобилизовав все силы страны на развитие военно-промышленного потенциала и помощи народно-освободительному движению в странах третьего мира, зачем-то держало в страхе половину капиталистического мира на планете своими ракетами с

ядерными боеголовками. И всё за счёт нещадной эксплуатации и одурманивания послушными СМИ ещё терпеливого и доверчивого населения страны.

Тогда какая у нас была и есть сейчас армия? И чем они отличаются друг от друга? Если бывший Министр обороны Иванов доложил Президенту страны Путину, что «реформирование армии завершено»?

Всё же дезертирство одного солдата у нас довели до суда. На полигоне под Самаркандом формировался артиллерийский полк, и нашим начальникам понравились деловитость и смекалка одного бойца. Его перевели к нам временно в часть для работы в штабе писарем, где он втёрся в доверие ко многим должностным лицам, ибо схватывал всё на лету и безукоризненно выполнял свои обязанности. Ничем, в общем-то, не примечательный солдатик, если б не одно но, - он обладал тонким женским голоском. Проездными документами в штабе после Олейника ведал капитан Витя Смирнов, который не прочь был бухнуть в рабочее время. Как-то этот солдатик зашёл к нему в комнату по какому-то вопросу, и Витя медленно шевелящим языком послал его на три буквы. Увидев на столе пачку проездных документов и мгновенно оценив ситуацию, солдатик, не долго думая, взял её и вышел из кабинета. Каким-то образом ему удалось на бланках проездных документов поставить печати.

Прибыв вместе с полком в Афганистан и увидев цинковые гробы с телами убитых бойцов, этот солдатик, опять-таки работая в штабе, провернул какую-то афёру, благодаря которой выручил немалые деньги. Подделал документы, с которыми благополучно пересёк границу и вскоре явился к себе домой к матери, которая работала стюардессой на авиалиниях. Сынок - дезертир, побрив ноги и похитив её форму с документами, по похищенным у нас в штабе бланкам стал приобретать в кассах билеты на авиарейсы и на самолётах облётывать всю страну, знакомясь с мужиками и вступая с ними в половые связи. Но, «как бы верёвочке не виться, а конец всегда будет». Какие-то парни, узнав, что он принадлежит к сильному полу, сдали его в милицию, и вскоре он оказался под следствием в самаркандской прокуратуре. Не помню, на сколько лет, но его осудили. В прокуратуре папку с появившимся материалом окрестили «Делом стюардессы Светы».

Фомин наконец уволился и исполняющим обязанности командира взвода стал капитан Шохин, которому нужна была майорская должность. Ибо возраст его подходил к 40 годам, и его могли уволить из армии на пониженную 30%-ную пенсию. Николай Васильевич даже завязал с выпивкой и старался быть замеченным и оценённым на службе. Ибо до этого имел много серьёзных проколов из-за частых пьяных загулов. Шохина вскоре оценили по заслугам, и он ушёл на майорскую должность начальника отдела Райвоенкомата города Хатырчи.

Олейника мы не видели в дивизионе, ибо он работал в штабе дивизии, где ведал проездными документами и назначением нарядов по службе. А капитан Пирогов был заядлым рыбаком и постоянно выполнял различные

поручения по браконьерской ловле рыбы в близлежащих озёрах для командования части, что усугубляло его зависимость от зелёного змия и в конечном итоге погубило как офицера и человека.

В 1977 году вся артиллерия дивизий Туркестанского военного округа подверглась реорганизации, и в нашем соединении на базе артиллерийского дивизиона был создан артиллерийский полк кадра с батареями хранения и обслуживания.

А вместо зенитно-артиллерийского дивизиона был создан тоже полк кадра 4-хбатарейного состава.

Первым командиром артиллерийского полка стал майор, затем подполковник и полковник Брыжакин Николай Иванович (за ним эту должность сменяли майоры и затем подполковники Дюкарев и Галустян Захарий Артёмьевич). А начальником штаба полка капитан, затем майор и подполковник Кузьмин Виктор Борисович, а его помощником по мобилизационной работе капитан Валера Мазур;

замполитом полка стал майор, затем подполковник Бурыка, которого через несколько лет сменит подполковник Пух;

зам по тылу стал майор, затем подполковник Даниил Аксельрод. Вскоре он уйдёт на пенсию, уедет к себе на родину в Самару, где вскоре скончается от сердечного приступа. А на его место к нам в полк прибудет подполковник Медведский Виктор Николаевич.

На должность командира развёрнутой батареи, состоявшей из 25 солдат и сержантов, поставили против его воли капитана Олейника. Ибо Олейника вполне устраивала такая же капитанская должность «безлошадного командира батареи», т.е. без личного состава. А его замом сделали капитана Пирогова, и тоже не считаясь с его желанием. Командирами взводов станут прапорщики Коломиец и Бочкарёв. Через несколько лет Олейник уйдёт на майорскую должность преподавателем в Самаркандский Государственный университет. И на его место прибудет капитан Панченко.

Должность Пирогова, уволенного через несколько лет на 30% пенсии, займёт прибывший из училища лейтенант Громик Олег.

Назаретян, бывший до этого начальником штаба в реактивном дивизионе, Бут и я стали командирами дивизиона кадра в новой организационной структуре полка, дополненной другими должностями: начальника химической службы полка, на которых по очереди стояли офицеры: капитан Сандалов, майор Беккерман Юра, капитан Кузнецов Александр; начальником автослужбы с очерёдностью на ней находившихся станут: капитан Голубев Аркадий, капитан Медяков и капитан, затем майор Чурилов Анатолий, которому будет помогать прапорщик Майстренко; начальником службы артвооружения станет капитан Меншиков; начальником связи майор Соколов, а после него майор Юрченко.

Живилик после окончания заочного отделения Самаркандского института торговли убыл в Кушку начальником военторга.

Бут вскоре после реорганизации артиллерии уволился на пенсию по выслуге лет и возрасту. А на его место прибыл из Группы Советских войск в Германии бывший двухгодичник, капитан, затем майор и подполковник Зайцев Виталий Петрович. С которым у меня не сложатся отношения, несмотря даже на то, что я неоднократно предпринимал усилия по сближению или примирению, если здесь эти слова уместны. За что меня Зайцев сразу же возненавидел, ума не приложу. А вообще, при общении с людьми я заметил одну закономерность – чем человек меньше ростом, тем он злее. Зайцев обладал ростом ниже среднего и был ниже меня на две головы. Может быть, поэтому на равноценных должностях старался хоть чем-нибудь показать мне своё превосходство. К тому же и знания в артиллерии у него были довольно поверхностные.

Соседний ракетный и реактивный дивизионы также претерпели изменения. Командир батареи кадра капитан Ознобин стал начальником штаба реактивного дивизиона, получил майорское звание. Но вскоре был уволен в запас в звании капитана за злоупотребление спиртным (хорошо, что он успел набрать выслугу 25 лет). А на его место был поставлен капитан Крысин.

Командир батареи реактивного дивизиона капитан Лубенский уволился на 30% пенсии.

Командиром реактивного дивизиона, вместо Онопки, уволенного на пенсию станет майор Комаров Игорь, прибывший к нам из Афганистана.

Вместо Хлебодарова (командира ракетного дивизиона), ушедшего после окончания академии на повышение, по-моему, командующим РВиА Кушкинской дивизии, прибыл майор, затем подполковник Свинцов Валентин, с которым я учился в Коломенском артучилище. А начальником штаба у него стал майор Скринников Володя.

Вместо Запаловского, уволенного на пенсию, начальником ракетных войск и артиллерии дивизии станет полковник Брыжакин. А на должность начальника штаба РВиА, вместо уехавшего после окончания академии в Ленинград преподавателем на ЦАОК Руденко, прибыл подполковник Голубев, которого где-то через год сменит подполковник Гончаренко Анатолий Герасимович.

Вся 114-я мотострелковая дивизия была сформирована в 1971 году и размещалась в Дальнем лагере на окраине Самарканда.

Дивизия по штату мирного времени после 1977 года состояла из 141 офицера, 75 прапорщиков и 150 солдат для обслуживания техники «НЗ», стоявшей на консервации.

Соединение не имело своего знамени (говорили, что оно находится в Музее Советской Армии в Москве) и соревновалась с такой же дивизией кадра, дислоцированной в 6 километров от Ашхабада в посёлке Бикрова.

В ТуркВО таких дивизий кадра было всего две.

Запомнился один эпизод, связанный с представлением только что прибывшего к нам в начале 80-х годов на должность командира дивизии

полковника Давыдова. Который перед представлением личному составу на плацу повелел все знамёна полков, отдельных батальонов, дивизионов и самой дивизии разместить на правом фланге построения. Когда же узнал, что у нас нет ни одного знамени, очень удивился и, наверное, глубоко задумался: куда я попал?

Офицеры и прапорщики занимались обслуживанием техники, мобилизационной работой, организовывали сборы приписного состава, согласовывали планы мобилизационного развёртывания с военкоматами, изучали приписанный по военкоматам личный состав и технику. Ездили в командировки, проводили занятия с резервистами, сами занимались по специальности, готовили призывников для службы за границей, заступали в наряды по части и по гарнизону и т.д. Вся дивизия – являлась одной войсковой частью с номером в/ч 61586. А для почтальонов каждый полк или отдельное подразделение имели свой литер. У нашего артиллерийского полка была буква «Ж».

Семейные офицеры жили: в жилгородке Дальнего лагеря, в районе Согдиана и в 1-ом микрорайоне Самарканда. Кто с подселением, кто в отдельных квартирах блочных 5-этажек, куда вода выше 2-го этажа не поднималась. Поэтому нужно было вставать ночью и набирать воду в ванну и во все ёмкости, чтобы обеспечить семью питьевой водой на один день. А за молочными продуктами в жилгородке Дальнего лагеря приходилось вставать в 5 утра и занимать очередь.

Причём, в жилом военном городке Дальнего лагеря так же, как и в самом городе, жило очень много офицерских семей, мужья и отцы которых после увольнения из армии в запас остались в Самарканде. Ибо не желали уезжать куда-либо к себе на родину или вообще в голодную Россию, считая, что здесь лучше.

Нашими соседями в доме №86 по Центральной улице Дальнего лагеря была семья Кобзевых. Сам Кобзев, полковник в отставке, по окончании своей службы в армии не стал ничего делать для возвращения на родину в Москву, где родился и откуда призывался на службу, остался жить в Самарканде. Ибо Москва считалась закрытым для прописки городом и офицеры, коренные москвичи, как и ленинградцы, киевляне, жители этих областей и черноморского побережья не имели права на возвращение на родину.

С точно таким же явлением я столкнулся и в Ашхабаде, и в Термезе. Когда офицеры, получив благоустроенные квартиры в столице Туркмении, Узбекистана и ещё где-либо в Средней Азии не желали уезжать в Россию после увольнения в запас. Не обращая внимания на изнуряющую жару, многочисленные южные болезни, сплошное химическое отравление окружающей среды из-за повсеместных посевов хлопка, чужую культуру, речь, безалаберную торговлю, клановые местные отношения среди людей и т.д. Поистине загадочна русская душа с её приспособляемостью к любым

условиям жизни, и готовностью вмиг забыть о своей голодной и холодной России.

Мне особенно запомнились осенние месяцы Дальнего лагеря, когда самолёты АН-2, прозванные в народе «кукурузниками», опыляли хлопковые поля дефолиантами для облегчения машинного сбора урожая. Целыми днями запах стоял в городке невыносимый.

Рядом с нашей дивизией размещался Учебный центр связистов (преобразованный вскоре в Бригаду связи), Школа прапорщиков и Самаркандское высшее военное автомобильное командное училище. При этом училище размещалась в одной комнате Дивизия охраны тыла в количестве 15 человек.

Начальником гарнизона Дальнего лагеря являлся начальник Самаркандского высшего военного автомобильного командного училища генерал-майор (вскоре генерал-лейтенант) Редько.

До сентября 1976 года из-за неимения квартиры мне пришлось холостяковать в городе в гостинице КЭЧ, в которой жизнь очень напоминала привокзальную в зале ожидания. В одной комнате нас жило 6 или 7 человек. Ночью приходили и уходили люди, то ли знакомые моих соседей по койке, то ли постояльцы. Исчезали вещи и всё это продолжалось до тех пор, пока через несколько месяцев такой безалаберной цыганской жизни мне не нашлось места в той же гостинице в двух комнатах на четверых постояльцев. В одной жили преподаватели военной кафедры Самаркандского государственного университета майор (затем подполковник) Роднянский с капитаном (затем майором и опять капитаном за пьянки) Романенко. В другой смежной комнате я с безногим лейтенантом (он потерял её в автокатастрофе и носил протез) из военкомата. Фамилию его не помню.

В 1976 года в Дальнем лагере побывала комиссия из Москвы, после которой было приказано в срочном порядке уплотнить офицеров (в основном из высшего звена гарнизона), которые со своими семьями занимали очень большие жилые площади. Так командиру зенитно-артиллерийского дивизиона дивизии, подполковнику, затем полковнику Бубнову, сменившему во время реорганизации на должности начальника ПВО дивизии полковника Роя, было приказано освободить занимаемую им и его женой квартиру из 4-х больших комнат в 80 кв. метров полезной площади, чтобы поселить на освобождённых метрах две семьи с подселением. Мне и командиру ремонтной роты капитану Минаеву Александру выдали по ордеру на эту квартиру. И там, где жили всего два человека (у Бубнова сын учился в СВВАКУ) должны были поселить 6, - нас трое (сына ещё не было) и Минаевых трое: он, жена Нина и их дочь Света. Но подполковник Бубнов не спешил освобождать квартиру и переселяться в другую, менее комфортную. Произошёл скандал, после которого ему пришлось срочно освобождать жилплощадь. А я приобрёл с самого начала службы в Самарканде злейшего врага - начальника ПВО и неизменного секретаря партийной организации дивизии по совместительству, который на протяжении всей моей дальнейшей

службы в Самарканде на правах активиста-политработника всюду стал искать за мной огрехи по службе. Чтобы тут же сообщить о них командованию дивизии и тем самым как можно больше помешать мне в продвижении по служебной лестнице. Но не помогло, и все звания я хоть и с задержкой на один год отнюдь не по вине Бубнова, исправно получал, и серьёзных партийных взысканий у меня не было. Даже после суда офицерской чести с понижением в должности, о которой речь ниже.

В сентябре 1976 года мы с женой Верой и её дочерью Наташей, погрузив в Ашхабаде все свои пожитки в 3-хтонный контейнер, вскоре прибыли в Самарканд, где и устроились на долгие годы жизни в этом старинном городе с 2500-летней историей. Древние стены которого в старом городе (Регистане) помнят великого завоевателя Тимура Тамерлана (где он и похоронен), его внуков, - знаменитого астронома Улугбека (тоже похоронен в Самарканде) и завоевателя Индии Бабура, - и многих других, прославивших своё имя либо на поле битвы, либо на ниве наук и поэзии, как, например, поэт, мыслитель и государственный деятель 15 века Низамаддин Навои.

Вместо ушедших в Афганистан в 1980 г. гаубиц М-30, я получил в дивизион 18 миномётов М-160. А вместо тягачей АТЛ-ов, ЗИЛ-131-ые. После реорганизации артиллерии не надо было теперь отвечать за походный пункт приёма личного состава со всем его имуществом многочисленной документацией и в полном объёме за дисциплину солдат (лишь, когда назначали ответственным по подразделению). Но вскоре появились и свои трудности иного характера.

Мобилизационная работа, хоть и в значительно меньшем объёме, но всё же осталась. И в дополнение приходилось постоянно находиться в разного рода командировках.

Навесное оборудование моих ЗИЛ-ов, как и другой автотехники дивизии, стало безжалостно разворовываться. Когда на вооружении дивизиона стояли АТЛ с дизельными двигателями, такого воровства не было, ибо эти АТЛ-ы являлись устаревшей моделью и детали с них мало кому были нужны. А вот детали и узлы с ЗИЛ-ов являлись дефицитом и средством купли-продажи, которое охотно скупалось у солдат бабаями в соседних кишлаках для дальнейшей их выгодной перепродажи местным механизаторам и водителям. Либо в обмен на деньги, либо за натуру, т.е. за самодельное, дешёвое виноградное вино по 1 рублю за один литр. В который местные виноделы добавляли димедрол (снотворное) для большей дури. И которое пользовалось большой популярностью у солдат с их мизерным денежным содержанием. Все механизаторы окрестных совхозов и колхозов не стали испытывать нужды в запчастях на свои машины и механизмы, а жители окрестных колхозов «Москва» и «Имени Энгельса» стали носить армейские куртки и сапоги, натягивая их даже в жару на байковые зимние портянки. Поэтому многие машины не в состоянии были выйти по тревоге, а наши солдаты стали носить откровенное рваньё, а сапоги и ботинки обувать на босую ногу.

Всё это у меня вызывало удивление, ибо я служил в армии, которая собиралась воевать с самой сильной армией мира – американской, которая возглавляла самый сильный в мире военный блок НАТО. В то время, когда противостоящая этому блоку вторая по могуществу Советская Армия, возглавлявшая военную организацию Варшавского договора, не могла защитить себя от воров и разбазаривания своего военного имущества.

Служба шла своим чередом, с редкими выходными и относительно нормированными рабочими днями. В 1978 году после учебного развёртывания нашего артиллерийского полка мне было присвоено майорское звание.

В декабре того же 1978 года у нас с Верой родился сын, которого мы назвали Янисом. Ибо очень трудно было придумать для него более менее подходящее имя с литовскими фамилией и отчеством. А в каком-то справочнике мы с Верой нашли, что оно относится также и к русскими именам, поэтому и остановились на нём. Тем более, когда мне очень хотелось поскорее забрать Веру с сыном из роддома, а без оформления рождения сына через ЗАГС их не выписывали. Моя мама, с которой я советовался по телефону в отношении этого вопроса, также не могла ничего путное придумать. Сначала порекомендовав назвать сына Феликсом, как моего отца и брата. Но тут же передумала, заявив, что это несчастливое имя, ибо мои отец и брат скончались преждевременно, соответственно в 59 лет и в 21 год.

Примерно в то же время, с разницей в одну-две недели у наших соседей Минаевых родился сын, которого они назвали Серёжей.

В декабре 1979 года наши войска вошли в Афганистан, и началось закручивание гаек в разболтанном армейском механизме. Выходные и праздничные дни стали редкостью. Были узаконены помимо утренних разводов дополнительные построения офицеров и прапорщиков: перед обедом, после обеда и в конце рабочего дня, в 8 или в 9 часов вечера. Которые мы называли «вечерними намазами» и шутили, что перешли на 8-часовой рабочий день: с 8 утра до 8 вечера. И если б на 8-часовой! ибо на этих вечерних построениях часто приходилось стоять в строю по несколько часов, получая задачи на следующий день.

К тому же по всем Вооружённым Силам Приказом Министра обороны были введены в первые дни государственных праздников вечерние построения всего личного состава частей и подразделений для так называемой «вечерней зори». С пением гимна с новым недавно введённым текстом и прохождением торжественным маршем.

Весело было наблюдать офицеров и прапорщиков, только что вставших с праздничного застолья, пьяных и полупьяных на этом карикатурном вечернем действе. К тому же мы понимали, что все эти построения должны были служить в первую очередь для поднятия дисциплины среди солдат, которых нельзя было оставлять в праздники без присмотра ни на одну минуту. Ибо дисциплина в войсках стала катастрофически падать, и все ЧП происходили в основном именно в праздники и выходные дни.

И именно с этого времени в каждой части по всем Вооружённым Силам стали назначаться неуставные, так называемые ответственные дежурные по подразделениям и частям в соответствии с численностью личного состава. Не доверяя уже всем дежурным офицерам и прапорщикам, обязанности которых были строго регламентированы армейскими уставами. Не доверяя и командирам подразделений, которые также должны были отвечать за дисциплину своих подчинённых в соответствии с Уставом внутренней службы и Дисциплинарным уставом.

И мы лишь только грезили о некоей заоблачной стране, о которой нам рассказывали прибывавшие из командировок офицеры из других округов. В которых в 6 часов вечера все комнаты штабов закрывались, печатались и сдавались под охрану, и никого уже с этого времени не было на территории части из офицеров и прапорщиков, кроме дежурных по части и по парку. Существовали выходные и праздничные дни, за которые в случае какого-либо дежурства давали отгулы.

Такой распорядок дня казался нам земным раем, в котором существует гармония между трудом и отдыхом для посвящения себя в свободное время какому-нибудь любимому делу или воспитанию своих детей.

Туркестанский военный округ стал прифронтовым, и с этим приходилось считаться. На порядок увеличилось количество всевозможных проверок вышестоящими инстанциями. Началось полномасштабное строительство закрытых хранилищ и складов. Ибо резко увеличилось хищения оружия и военной техники не только военнослужащими, но и местным населением. Что не обошло стороной и наше соединение. Стали обнаруживаться недостачи единиц стрелкового оружия и боеприпасов, вещевого и продовольственного имущества. Как-то на одном складе мы обнаружили повреждения крыши и недосчитались 50 штук артиллерийских панорам. Кому они понадобились? Ведь никакого применения в домашнем хозяйстве для них не придумаешь.

Всё чаще и чаще солдатики на караульных постах стали постреливать в солдат и гражданских, - нарушителей границ охраняемых объектов, - крыши хранилищ которых легко разбирались ворами, что в конечном итоге способствовало частым кражам. Из-за чего погорели у нас два начальника службы артвооружения дивизии из-за обнаруженных недостатков стрелкового оружия: подполковник Самарин и майор Червинский. Которого сменил на этой должности майор Земсков.

В это же самое время осудили и несколько прапорщиков, отвечавших в дивизии за вещевое имущество.

Осудили несколько офицеров, прапорщиков и солдат за дорожно-транспортные происшествия с гибелью и увечьями гражданских. Когда они садились за руль своих личных или военных автомобилей, будучи подшофе. В дивизии людей – кот наплакал, а после начала горбачёвской антиалкогольной кампании и перестройки чуть ли не каждый третий в нашей части вдруг оказался либо уголовником, либо серьёзно наказанным в

административном порядке. При этом основные, мелкие воришки-несуны солдаты оставались безнаказанными. Даже в тех случаях, когда попадались на снятии той или иной детали с машины или продаже гражданским военного имущества. Безнаказанными оставались молодые лейтенанты, не желавшие служить в армии, демонстративно не выполнявшие распоряжения своих командиров и начальников и даже находившиеся в бегах. Но в нашей дивизии кадра молодых офицеров было мало. Поэтому и был такой большой процент всех пострадавших во времена этой второй волны «жуковщины».

В 1980-ом и 1982-ом годах я по одному месяцу находился в командировках в Термезе, в Оперативной группе штаба ТуркВО по обеспечению 40-й армии в Афганистане материальными средствами и продовольствием. Мне эти командировки особенно запомнились, ибо я воочию увидел бесхозяйственность, разгильдяйство и безответственность тыловых структур Вооружённых сил страны по обеспечению всем необходимым воюющей армии. В Афганистане нет железных дорог, поэтому все грузы, прибывавшие в Термез, разгружались в тупиках. То, что мы видели, ужасало. Ибо часто процентов на 80 являлось негодным к употреблению, т.к. целые вагоны яиц, мяса, колбас, муки (из-за жучков) приходилось списывать и уничтожать на месте. А то, что доходило в целости и сохранности, разворовывалось или тоже приходило в негодность из-за отсутствия транспорта, должной охраны и жары. Кто-то на этом бардаке хорошо погрел руки, ибо доходило до того, что к нам в оперативную группу прибывали командиры частей и подразделений 40-й армии с требованием дать им хотя бы хлеба, ибо личный состав сидит голодным уже несколько дней.

В начале 1980-го года Оперативную группу в Термезе возглавлял зам. начальника тыла Округа полковник Орлик, получивший вскоре звание генерал-майора. А моим непосредственным начальником по службе войск был подполковник Волков.

Запомнился случай с прапорщиком из 40-й армии, прибывшим в Термез в командировку, у которого с перепоя возникли какие-то видения. Он схватил автомат, занял оборону и стал поливать из АКМ окрестность нашей перевалочной базы у Трёх озёр (Уч-Кизила). Пришлось вызвать пожарную машину, чтобы охладить пыл этого перепуганного вояки из брендспойта – он обстрелял машину. Тогда начальник гарнизонной гауптвахты подкрался к нему сзади и выстрелил из «макарова» в ягодицу. Пуля задела внутренности и вышла из живота. Прапорщику сделали две сложные операции, и жив ли он остался, не знаю, ибо я уже уехал в Самарканд. Слава Богу, что от этой стрельбы, кроме прапорщика, никто не пострадал.

Колонны, приходившие из Афганистана, грабились уже на пограничном посту возле понтонного моста, ибо под предлогом, что на радиоаппаратуре, отрезах японского шёлка, презервативах, японских часах, пластиковых игральными картами и т.д. нет штампа военторга. Я сам видел, как весь этот дефицит изымался без каких-либо актов или в лучшем случае в

одном экземпляре. Ибо жаловаться кому-либо было себе дороже - ведь речь шла о явной контрабанде.

Эти же самые колонны грабились и на Перевалбазе, из-за чего несколько офицеров из нашей оперативной группы пострадали – кто-то всё же сообщил наверх об этом рэжете.

Вообще, та первая продолжительностью в один месяц командировка в Термез в 80-ом году оставила много ярких воспоминаний в моей памяти. Это перевёрнутые в кувет грузовики с пьяными водителями рядом. Вышедший из строя железнодорожный переезд со сгоревшим «Уралом» и трупами в нём. А однажды подполковник Волков передал мне письмо матери солдата, проходившего службу в Афганистане. Мать писала, что получила известие о гибели её сына два месяца назад, но тело до сих пор она не получила.

Просила разобраться в этом деле.

Зная, что фамилия солдата Филимонов и что тело его было передано в бюро судебно-медицинской экспертизы города Термеза, я отправился в это бюро, а проще в морг, чтобы разобраться на месте. Разговаривал с начальником этого морга. Узнал, что да, проходил у них такой солдат, погибший из-за баловства с автоматом со своим товарищем, - якобы он передёрнул затвор, дал этот автомат своему товарищу в руки, а потом потянул его на себя за ствол и очередью в голову получил ранения не совместимые с жизнью. Труп находился у них где-то одни сутки, я видел фотографию этого солдата с отверстиями в голове. На вопрос: «Где тело?» мне ответили, что «кому-то из десантников его передали с другими трупами, ибо морг не имеет холодильника, и больше суток на жаре мы не можем держать покойников». На вопрос: «Где расписка или хотя бы одна фамилия забравшего труп?» ответа не получил.

Я доложил обо всём Волкову, который звонил в 40-ю армию, но так и не выяснил, кто мог забрать тело Филимонова.

Где-то через полгода меня вызвал к себе комендант города Самарканда опять по письму матери Филимонова. Я написал объяснительную записку и не знаю, нашли тело погибшего солдата или нет.

Пришлось только удивляться, что при планировании операции ввода войск в Афганистан наши полководцы забыли о такой простой вещи как рефрижератор или какой-нибудь захудалый холодильник для погибающих в бою или умерших от болезней или от несчастных случаев офицеров, прапорщиков и солдат воюющей 40-й армии. К тому же в местности с жарким климатом и с личным составом в 100 тысяч человек!

Произошёл также ещё один казус, когда два цинка, прибывших из Афганистана, отправили по разным адресам в Россию. Об этом стало известно в Оперативной группе только тогда, когда они уже находились в дороге. И приняли ли меры офицеры к исправлению ошибки, я не знаю.

Во второй раз я был командирован в Термез в сентябре 1982 года. Должность начальником оперативной группы выполнял полковник Ребенко, замполита подполковник Шелепин, начальника штаба майор Пичурин. Я как

начальник полевого парка должен был следить за порядком в парке и знать о наличии всех колонн, прибывших из Афганистана.

Работы навалилось много, и самая трудная – гонять гражданских, которые липли, как пчёлы на мёд, к колоннам, зная, что у военных полно разного дефицита. Не помогали ни запрещающие знаки на перекрёстках, ни шлагбаумы, ни доски с гвоздями на дорогах, присыпанные песком, в надежде, что колёса с машины с самовольщиками повредятся и выйдут из строя. Иногда дело доходило до смеха. Как-то ночью при обходе территории я наткнулся на несколько легковых машин с ящиками водки, кастрюлями с мясом для шашлыков и т.д. В машинах никого не было, и я несколько ящиков и кастрюль с мясом выгрузил и припрятал в яме. Вскоре наткнулся на толпу узбеков и солдат, которые увидев меня с фонарём в одной руке и дрыном в другой бросились врассыпную. Все легковушки тут же рванули с большой скоростью. В свою «бочку» (так мы называли своё жилище в виде цельнометаллического цилиндра на колёсах) я возвратился с трофеем, который на следующий день передал в штаб опергруппы.

Часто в точно такой же ситуации в меня и сопровождавших меня офицеров из автоколонн летели булыжники (хорошо ещё, что не автоматные пули). В общем, бои местного значения шли и иногда с большим трудом в нашу пользу.

А однажды я остановил УРАЛ, кабина которого была битком набита контрабандой: приёмниками, шёлковыми афганскими платками, отрезами материи. Зная, что если я всё это барахло передам в опергруппу, всё оно будет распределено между бог знает кем. А солдатики очень просили меня оставить при них всё это имущество. Я не стал связываться, приказав только поставить машину в парк, ибо имела место явная самоволка солдат, да ещё на машине.

А в самоволку многие солдаты на машинах из колонн выезжали очень даже просто, - тараня колючую проволоку. Мне приходилось часто вызывать гражданских ремонтников и за несколько бутылок водки латать дыры в заграждении.

Территория автопарка у Трёх озёр под Термезом была очень большой. Наверное, где-то около 100 га. Каждый день колонны приходили и уходили, то ли на загрузку, то ли в Афган, то ли из него. При обходе территории встречалось очень большое количество окснаренных (окончательно сняряженных) т.е. с прикрученными взрывателями, снарядов и мин. Это бойцы 40 армии выбрасывали боекомплекты прямо из кузовов машин в песок и вместо них в ящики клали бутылки с водкой. Поэтому мне с солдатами периодически приходилось на зилонской дежурной машине со слабыми рессорами собирать все эти снаряды и везти их на склад артвооружения. В автопарке не было дорог, но было много рытвин и ям. Поэтому с большим количеством динамита и взрывателями в кузове, я думаю, можно было запросто взлететь на воздух без дополнительного «крутящегося момента», который позволяет взводить взрыватель из

нарезного ствола при выстреле. К тому же в кузове лежало много мин калибра 120 мм и 160 мм. Для них уже крутящегося момента не надо было. При вылете из гладкоствольных труб взрыватели при выстреле взводились так же, как и из нарезных, а затем уже срабатывали при ударе о землю. На ухабах автопарка при езде на машине было так много толчков, что, ей Богу, приходилось креститься, чтобы благополучно доехать до дороги, не превратившись вместе со своими попутчиками в кызылкумовскую пыль. При этом надо было учитывать, что все эти снаряды и мины выбрасывались с высоты кузовов машин, а значит возможно они уже были со взведёнными взрывателями. Ведь как артиллерист я знал, что по технике безопасности при стрельбе из орудий снаряд, упавший с высоты более 1 метра, к выстрелу не допускался. В крайнем случае, с длинным шнуром к спусковому механизму и из окопа. Ведь сколько уже было подрывов с гибелью людей в войсках ТуркВО из-за таких вот рисков и незнания техники безопасности при обращении с боеприпасами!

Обидно было бы погибнуть из-за разгильдяйства военных и каких-то там бутылок водки!

Через три дня после моего вступления в должность группа офицеров пригласила меня на пикник в Уч-Кизиле. Выпили, закусили, поговорили. Я полез купаться в арык. Освежившись и надев рубашку, сразу же ощутил уменьшение объёма левого кармана. Документы на месте, но все деньги в сумме 250 рублей исчезли. Я ребятам ничего не сказал. Прожил сухим пайком, которым меня обеспечили офицеры автоколонны, весь месяц командировки. Как говорится, «не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Однажды возле полевого парка произошло убийство. Дело было так. Днём ко мне заехал начальник штаба оперативной группы, который, проверив первую же машину возле КПП, сразу же извлёк из-под имущества ящик с водкой. Которую конфисковал, погрузив в свой УАЗ-469. Утром мне сообщили неприятную новость – один солдат погиб. Дело было так. Начальник штаба, загрузив этот ящик водки в свой уазик, тут же подарил одну бутылку своему солдату – водителю. Прибыв в штаб, майор заступил дежурным по опергруппе и принял на грудь свою норму. А в это время поступила жалоба, что в районе Уч-Кизила много пьяных солдат-самовольщиков устроила дебош. Начштаба не придумал ничего лучшего, как послать в Уч-Кизил срочника - старшину комендантской роты с водителем, которые находились в состоянии опьянения от подаренной бутылки. А в это время по вызову в район озера прибыла из Термеза резервная группа караула с автоматами. Увидев уазик, старший резервной группы потребовал у старшины и водителя документы. Те по газам. Кто-то из солдат пустил автоматную очередь по отъезжающей машине. Возле полевого парка старшина с прострелянной головой вывалился из машины. Водитель так и застыл ночью за рулём.

Тут же в Термезе оказался начальник штаба округа генерал-полковник Кривошеев. То ли случайно оказался, то ли прибыл специально разбираться

по этому делу. Утром он нас всех собрал и начал разборку с майора Пичурина: «Почему пьянствуете, почему солдата напоили?». Тот стал нести какую-то чушь, что у него-де больной желудок, и он для его укрепления принял стакан водки с солью. «Вон отсюда», - вдруг загрохотало, - «Вам не место в армии». Потом Кривошеев стал каждого поднимать и спрашивать отчёт о работе. Меня он спросил: «Почему вы, товарищ майор, допускаете, что солдаты в полевом парке выбрасывают снаряды в песок из снарядных ящичков и загружают их водкой?» Я ответил, что за всеми не уследишь, территория большая, к тому же я всего лишь несколько дней исполняю должность начальника полевого парка. В общем, пронесло. От начальников такого уровня можно всегда ожидать худшего из всех худших вариантов. Пронесло и других офицеров опергруппы, которые, как и Пичугов, имели страсть к спиртному, тем более к халявному.

Приходилось только констатировать, насколько разительно офицеры, прапорщики и солдаты 1982 года отличались от своих предшественников 60-х годов. Все афганцы ходили бог весть в чём. На ногах кеды, на теле выцветшие до невозможности гимнастёрки, порванные и зашитые грубо брюки, на головах неуставные головные уборы. Водительские кабины изнутри все разукрашены картинками голых баб и артисток из журналов, на кабинах названия городов, откуда водители призывались на службу. При этом многие машины ездили без дублирующих колёс, а значит с уменьшенной грузоподъёмностью и повышенной аварийностью. Почти все водители за рулём были по пояс раздетыми, повесив на дверцы кабин машин бронежилеты.

В начале 80-го года я и не такое видел в Термезе. 108-я дивизия только что ушла в Афганистан и вот не отправленные или прибывшие в командировку приписники по всему городу разгуливали в шинелях до пят, с длинными волосами, бородатые и с автоматами на ремне, и все почти поголовно пьяные. Прямо, как в кинофильме «Ленин в Октябре». Только где-то через месяц, после того, как в гарнизоне произошла целая серия ЧП, приказом свыше оружие у прибывающих из Афганистана военнослужащих стало на границе изыматься и выдаваться при следовании обратно.

Одна командировка летом 1979 года мне особенно запомнилась тем, что после неё я бросил курить и вот уже 30 лет как освободился от этой дурной привычки. А ведь раньше часто, особенно в нарядах, мне приходилось выкуривать за день по 2 – 3 пачки «термоядерных», то бишь «памира» или «примы» по 10 – 14 копеек за пачку. Из-за этого очень уставал на службе и домой возвращался измученным и разбитым.

Перед самым вторжением в Афганистан меня направили в Княжпогост Коми АССР за новобранцами для 108 мотострелковой дивизии. В поезде «Адлер-Воркута» как-то я зашёл в туалет, и меня с ног до головы окатило водой из верхнего бачка. Не обсохнув, как следует, я лёг на верхнюю полку плацкартного вагона у открытого окна, заснул и сильно продрог. В Княжпогост приехал ещё в довольно бодром виде. А вот уезжал совершенно

разбитым и с жаром. Но никуда я не мог деться от где-то 100 человек призывников, и в Ташкент самолётами и поездами я прибыл совершенно больным и с высокой температурой. Очень много курил. Видимо, отравился к тому же сигаретами и так себя скверно чувствовал, что последнюю пачку «беломора», помню даже дату – 9 июля, с оставшимися в ней папиросами бросил в арык.

По приезде домой в Самарканд меня сразу же госпитализировали с воспалением лёгких. Месяц в спокойной больничной обстановке позволили мне навсегда избавиться от курения. Хотя по ночам часто видел сны, что я опять закурил, но, проснувшись, вздыхал с облегчением от сознания того, что это всего лишь ужасное сновидение. Хотя за рюмкой бормотухи часто очень хотелось закурить.

Многие солдаты уже болезненно стали реагировать на замечания. Часто в ответ офицеры и прапорщики получали демонстративное неповиновение, а иногда и грубость. То ли война в этом виновата, то ли это являлось уже признаком скатывания под уклон всей армейской машины. Я не социолог, чтобы делать какие-либо выводы и давать рецепты. Я, как мой любимый писатель Гоголь, показываю жизнь такой, какой я её видел в армии 80-х годов в прифронтовом округе.

А, выражаясь по-простому считаю, что при закручивании гаек в разболтанном до невозможности армейском механизме на многих из них, видимо, полетела резьба.

В Самарканде много внимания приходилось уделять мобилизационной работе, которую я терпеть не мог из-за её бумажности и объёмности с большим количеством цифр. На период отмобилизования (всей нашей дивизии отводилось 5 суток) нужно было учитывать буквально всё: сколько поступает личного состава и автотехники из народного хозяйства по каждому военкомату и по каждому часу, дефицитные специальности, национальный и возрастной состав приписников, по каким специальностям кто где приписан, партийность, служба в армии в прошлом и т.д. Приходилось разрабатывать планы развёртывания и материально-технического снабжения. И массу других документов, которые по опыту Великой Отечественной войны не имели ничего общего с действительностью, в чём нам приходилось только каждый раз убеждаться. На сборы приходили посторонние люди, не числившиеся в запасе в наших дивизионах и без дефицитных специальностей. Таких, как: разведчики, радиотелефонисты, вычислители, топографы, дальномерщики и т.д. Военкоматовские работники объясняли это невозможностью всех приписанных резервистов вызвать на сборы, поэтому хватали первых встречных и отправляли к нам на развёртывание или на очередные сборы. Можно было понять офицеров военкоматов, что действительно тяжело собрать по тревоге такую орду. Когда многие из приписников просто не открывали двери своих домов по вызову, подкупами и взятками пытались сачкануть от сборов.

Дело доходило до того, что снимали с постов председателей райисполкомов и даже Обкомов, которые игнорировали военные мероприятия у себя в районах и областях. А при объявлении мобилизации офицеры военкоматов стали вместе с участковыми милиционерами делать обходы и забирать военнообязанных. Ибо вопросы обороноспособности страны после ввода наших войск в Афганистан стали ставиться руководством СССР во главу угла.

Впрочем, все эти меры не могли исправить положение в Средней Азии с преимущественно мусульманским населением, которое всё меньше и меньше желало идти на поводу у московского руководства. Очевидно, после начала афганской авантюры. И нам всё чаще и чаще приходилось слышать от наших, в основном, узбекских приписников откровенные националистические высказывания, а то и угрозы расправиться с нами в ответ на нашу требовательность. Как говорится, «в семье не без урода». Хотя в массе своей узбеки продолжали оставаться гостеприимными, простыми, послушными и дружелюбными людьми.

Большинство узбеков не имело военных специальностей, ибо срочную службу проходили в должностях поваров, сапожников и простыми рядовыми. Хотя числились по документам военными специалистами. Представьте себе артиллерийский дивизион непрофессионалов в 250 человек, многие из которых плохо понимают русский язык, и из которых один только штатный командир дивизиона. Хорошо, если среди них оказалось несколько приписанных толковых русских офицеров или рядовых, бухарских евреев, а также татар или корейцев, на которых можно было положиться во время стрельб, быстро обучив их. Встречались толковые ребята и среди узбеков, которые желали овладеть военной специальностью. Тем более в предвкушении интересных артиллерийских стрельб, на которых наглядно виден результат боевого слаживания, и всей стрельбы по целям. В отличие от ракетных частей, на которых приходится в основном заниматься имитацией, без боевых запусков из-за их дороговизны. И для которых нужны особые полигоны в соответствии с большой дальностью полёта ракет. Мы же часто артиллерийские стрельбы устраивали на полигоне под Самаркандом, ибо места для этих целей там было предостаточно. Часто наши снаряды вылетали за пределы этого полигона. При этом никто из гражданских за долголетнее использование этой пустыни не пострадал. Несмотря даже на то, что стрельбы велись в 15 километрах от Самарканда и в 5 от посёлка Суперфосфатный. Разве что черепахи, которые в апреле месяце на непродолжительное время усеивали своими семействами все полигонные сопки.

На мой взгляд, даже зенитчики уступают артиллеристам-наземникам по азарту стрельбы, её спортивности и наглядности. И на этот счёт ходил один анекдот: «Зенитчики только собрались выехать на стрельбы – значит им можно уже ставить тройку; выехали – уже оценка четыре; ну, а если выехали и пальнули в пустой воздух – несомненно, отличная оценка».

Два раза, зимой и летом по одному месяцу мы всем своим немногочисленным полком выезжали в Келяту на окружной полигон, на котором собиралась вся артиллерия округа. Занимались артиллерийско-стрелковой подготовкой, выполняли задачи артиллерийских стрельб боевыми штатными и нештатными снарядами, изучали материальную часть артиллерии, новые образцы вооружения. Помню первую «диковинку» - ДАК-1 (дальномер артиллерийский квантовый), который должен был заменить в войсках все оптические дальномеры, и состоявший из огромного собственно лазерного дальномера и тяжёлого аккумулятора к нему. Потом появился ДАК-2 как одно целое с аккумулятором, но такой же тяжёлый, который нести могли не менее двух человек.

Слышал на зачитке приказов, что вскоре все переданные в армию образцы этой чудо-техники вместе с новыми ПРП-3 (подвижный разведывательный пункт) вышли из строя из-за неумелого обращения с ними.

На артиллерийские командные пункты приходили офицеры пехотинцы из вышестоящего руководства и нажимали подряд все кнопки на дальномерах, из-за чего они быстро ломались. То же самое наблюдалось и на ПРП-3, насыщенных электроникой и которые также имели лазерные дальномеры и которые обслуживались солдатами-непрофессионалами.

Уже под конец службы в той же Келяте я видел лазерные дальномеры ЛПР (лазерный прибор разведки) в виде биноклей, которые могли крепиться к буссолям, что значительно облегчало ведение разведки. И, если раньше приходилось в течение нескольких месяцев готовить дальномерщиков к работе на оптическом дальномере. А до этого выбирать из новобранцев солдат с широкой базой глаз (не менее 66 – 68 мм) для объёмного ощущения параллакса в дальномере (ДС-1 или ДС-2) и острым зрением. И потом в течение нескольких месяцев обучать его и тренировать глаза для «ощущения 4-х рисок над целью». А в дополнение к этому каждому дальномерщику в столовой полагались лишняя порция сливочного масла и сахара. То теперь все эти проблемы снимались и дальномерами могли пользоваться все желающие.

Были ещё нововведения: десантный метеокомплект, баллистическая станция определения падения начальной скорости снаряда, разрывные снаряды со стреловидными элементами. И всё. Больше никаких новинок за всю свою 16-летнюю службу в ТуркВО я не видел. Слышал только, что где-то имеются автоматические 82-мм миномёты «васильки» с кассетным зарядом мин. Но офицеры говорили, что для него в бою нужен целый вагон боеприпасов. А в Афганистане очень хорошо себя показали переносные 82-мм миномёты образца 1937 г, позволявшие «выковыривать» одиночными выстрелами духов из горных расщелин, оврагов, окопов и обратных скатов высот. И тягачей к ним не надо. Солдаты, если не было поблизости ишаков или лошадей для необходимой их реквизиции у местного населения, сами тащили в горах на себе трубы, плиты и боеприпасы.

Электронику и калькуляторы артиллеристам в основном продолжали заменять пластиковые бланки для стрельбы, карандаши, ластик и таблицы стрельбы. В лучшем случае с прибором управления огнём и радиостанцией. Как рассказывали офицеры-афганцы, только что вошедшие в Афганистан, им в первые месяцы приходилось вести записи стрельбы в бою на белых полосах газет из-за неимения не только пластика, но и чистых листов бумаги.

С нами в Келяте на сборах (недалеко от Ашхабада) жили инженеры из Москвы, обкатывавшие новые танки и испытывавшие новые образцы стрелкового вооружения. Где ещё в СССР можно было найти такие экстремальные и удобные условия испытания – жара, песок, пыль, повышенная солнечная радиация, минимальная влажность и отдалённость от посторонних глаз!

Вообще про Келяту мне запомнились два стишка:

«Келята ты, Келята,
Голубые дали
Мы такую красоту
На х... видали».

«Это что за х..та?
Это лагерь Келята».

Но были и приятные моменты. Я имею в виду рыбалку. Когда мы выезжали на Куракумский канал и его водохранилища, где глушили белых амуров, жерехов и другую рыбу имами-100 (взрывчатка для имитации стрельбы 100-мм орудий), ставили сети под руководством Пирогова, бросали в воду канала хлорку и затем, проезжая на машине вдоль канала, глушили рыбу палками, всплывавшую на поверхность. Никакой рыбоохраны не было. И, чувствуя безнаказанность, таким варварским промыслом занимались многие офицеры и прапорщики. При этом я был простым рыболовом при командовании полка.

По воскресеньям ездили в ближайший населённый пункт Геок-Тепе, чтобы посидеть в чайхане и немного расслабиться за крепённым туркменским вином типа «ашхабадское», ставшее вскоре «чоменом» («кто не пьёт вино «чомен» только тот не джентльмен»). Или другими пойлами, такой же дрянью, как и все остальные вина, которыми впору заборы красить или морить тараканов. Водка, а точнее спирт с водой, стоил в кишлаках дорого, да и был отнюдь не водочной крепости. Хорошо если имел 20 – 30 градусов и содержал этиловый спирт, а не метиловый или какой другой с техническими добавками.

19-градусные напитки на жаре вместе с пивом действовали быстро на наши молодые головы, и все мы возвращались в Келяту на попутных машинах в хорошем подпитии.

А жара в тех краях стояла даже в зимние месяцы года. И нам приходилось спасаться от неё в Долине тюльпанов Келятинского лагеря в январе или феврале месяце, где мы часто зимой жили в лагере, в речушке с холодной

мутной водой, спускавшейся с гор по бетонному жёлобу, ибо днём температура на воздухе в этот самый зимний месяц поднималась до 25 градусов тепла. Правда, зимой иногда в это же самое время по ночам от мороза замерзали лужи. Поэтому в Туркмении в течение одних суток зимой приходилось часто наблюдать три времени года: зиму – ночью, весну – утром, и лето – днём. При пониженной влажности в течение всего года, что позволяло не так болезненно переносить изнуряющую жару, спрятавшись от неё в тени.

В Геок-Тепе за столом чайханы с бормотухой на нём сочувствовали пограничникам, у которых сбежали жёны с детьми из-за полнейшей неустроенности жизни на заставах и неимения работы для вторых половин. По сравнению с погранцами мы выглядели куда более благополучными и обеспеченными во всех отношениях.

По делам службы, когда я служил в Ашхабаде, мне приходилось бывать на погранзаставах. Где однажды пограничники в благодарность за привезённый тягач АТС для отбуксировки трактора мне подарили заднюю ногу только что напоровшегося на гвоздь и тут же околевшего жеребца. Я привёз этот окорок в Келяту, куда мы со своим дивизионом выехали на стрельбы, и выдал его за телятину. Солдаты-грузины вызвались приготовить из него какое-то грузинское блюдо, типа мцвади-бастурмы. И когда все уже наелись, я сказал правду. Было много смеха. Правда, нашего начальника связи дивизиона Федю Дегтяря после моих слов чуть не стошнило.

В 1977 году при назначении меня на должность командира артиллерийского дивизиона ко мне подошёл начальник политотдела дивизии полковник Федотов и сказал, что если я не вступлю в партию, то он отменит моё повышение по службе. Пришлось в 33 года вступать в КПСС, сначала кандидатом, а через год полноправным членом. Как тогда шутили, «постоянно вступаю то в говно, то в партию». Хотя в идеи Ленина я по-прежнему не верил, курс партии на строительство коммунизма и разного рода её программы вызывали в моей душе глубокие сомнения. Но, не обладая никакими талантами и железным характером. Чтобы стать диссидентом, отсидеть срок в тюрьме и в конечном итоге быть изгнанным из страны за свои антисоветские взгляды и высказывания через «вражьи радиоголоса». И жить потом припеваючи в какой-нибудь благополучной капстране, благодаря своему таланту художника, поэта, прозаика или учёного. Поэтому надо было думать о перспективах на будущее и о хлебе насущном сейчас и здесь, в Средней Азии. Партийный билет и был тогда своего рода хлебной карточкой, обеспечивавший доступ ко всем значным должностям страны и даже с выездами за рубеж. А мне прежде всего нужно было заботиться о своей семье и её достатке.

Хотя ко всем коммунистам я в то время относился с иронией, помня один старый анекдот про Василия Ивановича Чапаева и Петьку: «Как-то Василий Иванович подзывает Петьку и говорит ему: «Мы окружены беляками, через час или два будем у них в плену, нас будут пытаться, и мы должны, Петька, с

тобой к этому подготовиться и закалиться». Петька соглашается. Василий Иванович поставил табурет и приказывает Петьке встать на него. Тот повиновался. «Снимай штаны», - последовала затем команда. Петька снял штаны. Василий Иванович разогрел утюг на плите и затем приставил его к Петькиной ягодице.

«Коммунист?»,- спрашивает Василий Иванович. «Нет»,- отвечает Петька. Василий Иванович во второй раз нагревает утюг на плите. Опять его прикладывает уже к другой ягодице Петьки. «Коммунист?». «Нет»,- отвечает тот. В третий раз Василий Иванович разогревает утюг, уже добела, и прикладывает к спине Петьки: «Коммунист?» «Нет», - отвечает опять Петька. «Ну, Петька, выдержал испытания, давай теперь проверь меня»,- говорит Василий Иванович.

Петька ставит табуретку, приказывает Василию Ивановичу на неё встать и снять штаны. Тот соглашается. Петька прикручивает к столу мясорубку и приказывает Василию Ивановичу положить в неё свой член. Тот повинуется. Петька крутанул один раз мясорубку: «Коммунист?». «Нет»,- отвечает Василий Иванович. Петька ещё крутанул мясорубку два раза: «Коммунист?»,- спрашивает. «Коммунист, коммунист, только отпусти». «Так на х... нам такие коммунисты нужны», - отвечает Петька, продолжая крутить ручку мясорубки».

К тому же я мечтал получить должность преподавателя на военной кафедре любого института. А для этого нужно было обязательно быть партийным.

Хотя в нашей дивизии служили два офицера не члена КПСС: командир батальона мотострелкового полка подполковник Георгий Некрашевич и начальник автослужбы зенитно-артиллерийского полка майор Аникеев. Жору, по-моему, за систематические пьяные загулы исключили из партии, а вот почему Аникеев в 30 лет не был партийным, не знаю. Наверное, кто-то ещё в дивизии из старших офицеров был беспартийным.

Став коммунистом, приходилось часто посещать разного рода партийные разборки, то ли на полковом уровне, то ли на уровне соединения, и часто выслушивать нелюбезные отзывы о своей работе своих же товарищей. С которыми только что где-нибудь застольничал, а тут они рубят «правду-матку», поливая меня грязью, и предлагая наказать меня «по всей строгости партийной законности». Даже законченный алкоголик и бывший мой подчинённый капитан Пирогов, исключённый вскоре с треском из партии и уволенный из армии, часто резко критиковал меня на партсобраниях. Видимо, помня давнюю обиду, когда в Келяте в банный день пытался со своим другом Ознобиным сфотографировать меня и Шохина, когда мы голыми выходили из банной палатки в палатку для одевания. Когда же я попытался было отобрать у него фотоаппарат, он полез на меня с кулаками. Пришлось поставить своему подчинённому несколько фонарей под глазами и разбить фотоаппарат. Досталось и Ознобину.

Пирогов по пьяни пытался было взять реванш в поезде, когда мы возвращались в Самарканд и ехали в одном купе, но массы тел у нас слишком разные. К старым его фонарям прибавились новые. И, если б не вмешательство Шохина и Ознобина их было бы ещё больше.

Проводник вагона вызвал караул с автоматами на ближайшей станции – всё обошлось – а за залитые кровью из пироговских носопырок простыни мне пришлось раскошелиться, заняв у Бута, ехавшего вместе с нами в другом купе на пару с Онопко, несколько червонцев, чтобы получить назад у проводника проездные документы для отчёта о командировке.

С тех пор Пирогов, пока я у него был начальником, и Ознобин изменили ко мне своё пренебрежительное отношение и стали вежливы и внимательны со мной. Подковырки прекратились.

Удивителен русский человек – на протяжении всей своей истории уважал и продолжает уважать только грубую физическую силу, а посему деспотов царей и генеральных секретарей и других шизанутых руководителей-горлохватов всех мастей. Рано, наверное, отменили в армии розги, которые хорошо воспитывали солдат и в то же время гасили внезапный всплеск эмоций начальников – не было необходимости размахивать кулаками, поднимая свой авторитет в глазах подчинённых.

Пирогов после увольнения из армии пошёл в разнос. Жена с дочерью его выгнали из дома, он при посредничестве прапорщика Шлычкова женился на женщине, старше его на несколько лет. Приглашал меня на свадьбу, но я уезжал в командировку, и не смог присутствовать на этом торжестве в собственном доме его жены Таи, которую, средних лет, довольно милую и интересную женщину с дочкой, видел на вокзале, когда она провожала Пирогова в очередную нашу с ним командировку в Келяту. Дочь Таи выросла, Пирогов постоянно пропадал на озере Айдаркуль, где ловил рыбу сетями и на каком-то острове со своими собутыльниками выращивал коноплю, превращая её в анашу для получения дополнительного к бормотухе кайфа.

У Таи после рождения сына и, очевидно, постоянных пьянок Пирогова обострились болезни сердца, и как-то после очередного возвращения из больницы она в своём нехитром деревянном доме увидела лишь голые стены. Вся обстановка была похищена её дочерью, исчезнувшей вместе со своими друзьями. У бедной женщины при виде этой картины защемило сердце, и она на пороге дома на глазах пятилетнего сына тут же скончалась.

В конце 80-х годов я два раза в отпуске в Самарканде встретил Пирогова в городе, ссутулившимся, с многочисленными и глубокими бороздами морщин на потемневшем от наркоты лице и хриплым, с трудом выдавливаемым из груди голосом. А ведь он был всего на 1 год старше меня и мне после непродолжительных бесед с ним было очень жаль своего бывшего подчинённого и товарища по застольям и шахматам. В шахматы он всегда играл превосходно, и голова у него соображала в артиллерии.

Помню, что ещё несколько лет назад видел его на автобусной остановке Дальнего лагеря рядом с пожилым гражданским, у которого грудь украшали орденские планки. Узнал потом, что это его отец, полковник-ветеран ВОВ, оставивший Пирогова ещё младенцем с матерью и в первый и, как потом оказалось, последний раз приехавший навестить своего сына. После кончины Таи их сын оказался в детском доме.

К счастью, дальше «выговора без занесения в учётную карточку» по заранее разработанному командиром полка сценарию на всех этих партсобраниях дело не доходило. И после этих разборок я с этими же критиками своей работы вскоре сидел в «стекляшке» и обмывал за их счёт очередное партийное взыскание под успокаивающие слова своих коллег по КПСС – мол, «не обижайся, что тебя немного покритиковали на партсобрании, так надо, терпи, коль стал членом партии».

Часто наказания типа «выговора без занесения» или «постановка на вид» выносились за проступки солдат, которые напились или были замечены в самоволке, а я в это время являлся ответственным по полку и, значит, отвечал за дисциплину солдат, выполняя роль, своего рода, няньки, которая отвечает за все капризы подотчётного ей дитяти.

А один раз меня наказали за то, что когда я стоял дежурным по части разводящий из смены караула нагнулся к крану с водой, чтобы попить воды. Автомат у него соскочил с плеча. Он стал его машинально ловить и случайно нажал на курок. Раздалась автоматная очередь, которая, к счастью, никого не задела.

Молодёжь спит на ходу, машинально выполняет зарядание и разрядание оружия под руководством начальника караула и разводящего. И в конечном итоге я ответил за этого обалдую разводящего. Хотя в то время меня в радиусе одного километра не было от места происшествия. Ибо я после ночной проверки караула и записи в постовой ведомости выполнял свои обязанности на других объектах. Но «должен был обеспечить» порядок при несении всеми должностными лицами суточного наряда, в том числе и личным составом караула.

Скучать не приходилось. И после этого случая где-то полгода меня поднимали на всех совещаниях и ставили в вину ошибки разводящего и начальника караула. Которых никак не наказали. Какой спрос с этих молокососов, отбывающих воинскую повинность?

У всех коммунистов той поры, как я смог вскоре убедиться, было несколько моралей: первая – показная на партсобрании, на котором они били себя кулаком в грудь и заявляли о своей поддержке, допустим, «Продовольственной программы КПСС» или решения какого-нибудь очередного Пленума ЦК КПСС или съезда; вторая – тут же в курилке, в перерыве, они говорили, что ничего из этой очередной авантюры руководства страны не выйдет, и приводили свои аргументы в доказательство правоты своих слов,

или как на целине ему один бабай подарил барашка за работу выделенных ему на хозяйственные нужды солдат, и как он со своими товарищами этого барашка зарезали и, сделав из него шашлык, под водочку хорошо им закусили и т.д.;

третья, глубоко законспирированная, не для коллективного обсуждения, – что неплохо бы и своровать где-нибудь что-нибудь или присвоить себе часть общака на коллективные нужды или чьи-либо похороны и т.д.;

и что, вообще, при социализме, где нет собственников, и всё вокруг ничьё и вполне доступно каждому умному человеку в разумных пределах, жить гораздо лучше, чем при капитализме, ведь государство у нас такое богатое – сколько ни воруй, от него ничего не убудет.

Поэтому мне приходилось почти ежегодно получать эти партийные взыскания за упущения по службе «без занесения в учётную карточку», из-за чего задерживалось присвоение очередного звания. И каждый год их снимать под одобрительный гул своих товарищей, предвкушавших уже скорый поход в «стекляшку» за мой счёт. Получалось, что и «волки были сыты и овцы целы» и все расходились при своих интересах, и с хорошо сыгранной ролью в первом случае передовых борцов за чистоту партийных рядов, во втором – верного друга своего оступившегося год назад собрата по партии.

А мне в очередной раз приходилось только удивляться показной неискренности некоторых своих товарищей-коммунистов и их двуличию.

С приходом после Дегилевича в начале 80-х годов нового командира дивизии полковника Давыдова у нас сразу же заварили калитку в разделительном ограждении с Бригадой связи. Теперь все офицеры и прапорщики, жившие в жилом городке Дальнего лагеря, должны были делать огромный крюк, чтобы попасть в дивизию. Не действовали на Давыдова и угрозы, что в связи с закрытием короткого пути придётся менять планы мобилизационного развёртывания, ибо прибытие по тревоге военнослужащих, живших в городке Дальнего лагеря, задерживалось на 20 - 25 минут.

В ограждении появилось большое количество всевозможных дыр, которыми пользовались офицеры и прапорщики для прибытия на службу, а солдаты для самоволок. Не помогали и дежурства офицеров возле этих лазов, которые записывали всех нарушителей пропускного режима, чтобы доложить наверх для принятия мер против них.

Давыдов также приказал всем офицерам и прапорщикам в 40-градусную жару стоять на всех построениях в кителях, сапогах и при портупелях. Да ещё иногда и с проверкой состояния носков в сапогах и ногтей на пальцах ног под хихиканье стоящих поодаль подчинённых солдат, у которых тут же создавалась видимость справедливого дивизионного отца-командира. При этом стриптизе тут же открывалось, что многие офицеры и прапорщики обували ноги в дырявые носки, - где их взять, если их нет в продаже. А те, что иногда продавались в нашем магазине, через час носки рвались. И по цене они были довольно высокой для нашего семейного бюджета - где-то 40

копеек за пару из хлопка. Дорогие же синтетические по цене от 1 рубля до 2-х, которые по прочности при ношении в сапогах ничем не отличались от хлопчатобумажных, были вредны для кожи ног. Поэтому многие офицеры были вынуждены носить в сапогах портянки, которые хорошо впитывали пот и служили намного дольше носков.

Вскоре все эти самодурские распоряжения прекратились, - и калитку открыли и нам разрешили на построениях стоять в рубашках, и сапоги мы перестали снимать на построениях. Но я здесь хочу показать, как просто было унижить любого из нас, показать, что ты раб, исполняющий любой каприз командира дивизии, любое желание, зависящее от его настроения. И ведь нельзя было такого руководителя послать на три буквы, как в старом анекдоте: «Приходит Петька в кабак с чемоданом. Садится за столик, вытаскивает из чемодана черепаху и делает заказ официанту: «Мне стакан водки, а вот ей блюдечко молока». Официант приносит всё. Петька хлопнул стакан, дождался, когда пришёл кайф и обращается к черепахе: «Василий Иванович, расскажи ещё раз, как ты старика Хаттабыча на х... послал». Этой привилегией послать начальника на три буквы в армии в основном пользовались военнослужащие от солдата до капитана включительно, которым нечего было терять, кроме своих цепей. Среди офицеров, в основном, из-за частого выпадения в осадок по причине поклонения зелёному змию и которым было всё до лампочки.

Проблема же наркомании в армии стояла не так остро.

Как-то на одном из совещаний Давыдов обратился к офицерам с предложением направить часть солдат на заработки к узбекам, чтобы во всех наших ленинских комнатах стояло по цветному телевизору. Все согласились с таким идейно выдержанным предложением в целях улучшения воспитательной работы среди солдат. Солдаты добросовестно отработали барщину, но цветных телевизоров так и не дождались – Давыдов вскоре уехал в Ростов-на-Дону на повышение. Ходили слухи, что его по этому делу вызывали в прокуратуру. Скорее всего, это слух. Как я неоднократно мог убедиться, офицеры всегда выдавали желаемое за действительное. Лишённые прав на обжалование несправедливых приказов и распоряжений, в их головах часто возникали всевозможные мифы о «добреньком царе» - начальнике, который-де только он один и может защитить их от незаконных удержаний денег, понижений в должности или в звании, увольнений без пенсии, других наказаний и т.д. Ведь до ближайшего начальства над командиром части было как до Луны. И любая жалоба от этих обиженных неизменно возвращалась назад на стол командира дивизии с резолюцией «Разобраться на месте».

Как-то на базе нашей дивизии Министр обороны решил провести показательные занятия по хранению и обслуживанию техники «НЗ» со всеми технарями армии, от зам. командира дивизии по вооружению и выше. Нам всем объявили об этом за два месяца до начала занятий. Сроки готовности постоянно переносились и в конце концов занятия состоялись через 5 месяцев после объявления о них. Все эти 5 месяцев наша крошечная дивизия

жила по немыслимому распорядку дня: подъём в 5 утра, после умывания и заправки постелей сразу же завтрак, в 6 часов утра развод на работы; где-то до 2-х часов дня работы в парке, затем обед;

в 3 часа дня развод на работы;

до 7 вечера работы в парке, затем ужин;

в 8 часов вечера развод на работы и до 24.00. работы в парке;

в 24.00. построение, подведение итогов и постановка задач на следующий день;

форма одежды для всех зимой в яловых сапогах, ватных куртках, летом – в рубашках и в сапогах при галстуках;

никаких выходных и тем более праздников за всё это время.

Удивительно, что все эти 5 месяцев не было никаких послаблений, ни одного часа отдыха сверх этого распорядка дня, ни одного выходного или праздничного дня. По этому поводу в армейской среде бытовал один старый постулат: «Чем хуже на службе твоим подчинённым, тем лучше тебе для карьерного роста».

Весь этот кошмар при командире дивизии полковнике Красичинском, сменившего Давыдова в начале 80-х годов, выполнялся неукоснительно, и наряды на службу считались тогда выходными днями. И все офицеры и прапорщики ждали их как возможность выспаться 1 – 2 часа перед заступлением в наряд и отдохнуть в нём в основном от бесконечного мата и придинок на службе.

Хотя основную работу выполняли только те подразделения, на которых планировалось провести занятия, но по такому распорядку дня должны были жить все остальные. И вот мы ходили, слонялись по части, ибо не знали куда себя приткнуть - артиллеристы не участвовали в этих занятиях. Но всё равно должны были со всеми находиться на всех построениях дивизии и изображать хоть какую-либо работу в парке.

В то время у нас ходил такой анекдот: «Спрашивают: за что сняли директора ЦРУ США? Ответ: за то, что он не смог определить форму одежды в Советской Армии, распорядок дня в частях и когда выходные у военнослужащих».

Посыпались градом жалобы от офицеров и прапорщиков, которым нечего было терять. Мол, спасите от произвола, это явно выходит за все уставные рамки и имеет место явное нарушение распорядка дня. И как-то на одном построении полковник Красичинский торжественно изрёк: «Жалобщики, ё... вашу мать. Что толку, что вы обращаетесь наверх. Все ваши жалобы лежат у меня в столе, и я могу хоть сейчас все их вам раздать с резолюцией, что с вами проведена беседа. Ведь всё равно будет так, как я приказал».

Больше жалоб наверх, насколько мне известно, не поступало. А в отношении нецензурной постоянной брани из уст командира дивизии – наверное, нельзя было иначе. Ведь кругом сплошная неисполнительность и игнорирование приказов.

Поэтому о нормальной деловой атмосфере в дивизии не могло быть и речи. Весь порядок зиждился на окриках и огульном хамстве командиров полкового или дивизионного звена. С солдат, как я уже писал, как и с молодых лейтенантов, в большинстве своём не желавших служить в армии, не было никакого спроса. Доставалось только тем офицерам, которым было что терять. Значит, от майора и выше. Чуть что не так – сразу сыпались взыскания, разборка на построении на повышенных тонах, мат, а то и подзатыльники с горяча какого-нибудь невыдержанного полковника. Всё превратилось в подобие дурдома, в котором все поголовно были заняты мифическим поднятием боеготовности. А на самом деле х...грушиоколачиванием. И в ожидании приезда какой-либо очередной комиссии из округа или Москвы, чтобы закраской ржавчины на технике, серебрением колёс на автомобилях «НЗ», побелкой кирпичей вокруг газонов, забиванием гвоздями дверей грязных до ужаса туалетов, - чтобы, не дай Бог, кому-нибудь из генералов не приспичило оправиться в этом сральнике, - создать видимость благополучия в части.

А также подготовкой каких-нибудь подземелий (зинданов) для партизан очередных сборов с целью посадить их всех туда скопом во время работы комиссии, чтобы они своими свирепыми, небритыми и немытыми физиономиями не смогли вогнать кого-нибудь из её членов в прединфарктное или инфарктное состояние.

Не в силах заставить, по сути, рабскую армейскую массу хоть что-нибудь делать в соответствии с обязанностями каждого военнослужащего командованию дивизии, как и в других соединениях армии, приходилось заниматься лакировкой всей служебной деятельности. И бодро рапортовать наверх о выполнении всех спускаемых сверху распоряжений и приказов, несмотря на явную их невыполнимость.

Отсюда и нарушение распорядка дня, ибо если за сверхслужебное время будет сделано в части хоть самая малость, - уже хорошо для карьерного роста командования дивизии.

Показные занятия прошли успешно, мы все вздохнули свободно, и полковник Красичинский вскоре уехал в Прибалтийский военный округ на генеральскую должность. Все его замы тоже были отмечены. Кто повышением по службе, кто благодарностью от Командующего ТуркВО. Хотя несмотря на 5 месяцев такого «интенсивного труда». Когда, казалось бы, вся наша дивизия, её казармы, весь её автопарк с машинами на хранении, столовая и другие постройки должны были являться образцом для всех Вооружённых Сил страны, примером боеготовности соединения. Благоухать и радовать глаза своими английскими газонами и клумбами возле зданий. Отнюдь, не было сделано почти ничего, что свидетельствовало бы о готовности к такому серьёзному наплыву генералитета армии и показным занятиям с ними. Территория и все строения и помещения дивизии продолжали иметь довольно жалкий вид. Всё шаталось, скрипело, дышало на ладан и всё, что плохо лежало, безбожно разворовывалось. А то, что кормило

любого специалиста на гражданке, здесь в дивизии часто безжалостно умышленно ломалось, чтобы не создавать себе лишнюю головную боль при её эксплуатации, зная, что в любом случае трёхразовое питание в столовой и одежда для прикрытия срамоты обеспечено в любом случае. Или оклад, положенный тебе по занимаемой должности с военным обмундированием, никуда не денется.

Невольно вспомнишь историю Древнеримской империи, канувшую в Лету из-за непроизводительности рабского, принудительного труда.

О полковнике Красичинском, хоть за ним ещё с самого Термеза, где он до Самарканда служил в должности зам. командира дивизии, закрепилось прозвище «полковник ё... твою мать», я ничего плохого сказать не могу. Знаю его как незлопамятного, с чувством юмора офицера. Он редко кого наказывал по службе. Но если заводился с пол-оборота, то поток бранных слов на повышенных тонах так и сыпался из него автоматной очередью – за словом он в карман не лез. И тем не менее лишь благодаря его усилиям я в 1984 году получил подполковника. Несмотря на противодействия в этом вопросе полковника Бубнова и начальника штаба дивизии полковника Лисеенко.

При полковнике Красичинском я отвечал за строительство боксов для хранения автотехники, и он часто приходил на стройку проверить ход работ при строительстве. Он часто ругал меня за недоделки, но быстро отходил и вскоре даже шутил и лыбался. В общем, с ним у меня тогда сложились деловые нормальные отношения.

Интересно было наблюдать офицеров и прапорщиков после утреннего развода. Сначала часа два-три во всех штабах видна была какая-то деловитость. Потом начиналось так называемое «броуновское движение», переходящее в движение по кругу, когда в целях создания видимости работы многие ходили по территории дивизии якобы по делам службы. И в конце концов часть офицеров и прапорщиков «выходила на заданную орбиту», собираясь возле ресторана «Максим» (почему-то именно это название закрепилось у наших военных за рестораном «Дустлик» в переводе с узбекского «Дружба», находившегося возле железнодорожного переезда и нашего КПП). Но не в самом ресторане из-за дороговизны всех его напитков и блюд, а возле его туалета. Где доблестные защитники родины, соображали на троих, от прапорщика до подполковника, а иногда присоединив к своей компании и какого-нибудь забрédшего «случайно» в расчёте на халяву полковника из числа (около 40 человек) преподавателей Самаркандского военного автомобильного училища. При этом довольствуясь дешёвой бормотухой типа «чашмы» (в переводе «ручeёк») по цене 3 рубля за 0,75-литровую ёмкость вперемешку с пивом для скорейшего наступления кайфа (при денежном доходе каждого из нас в 250 – 300 рублей в месяц, обесцененных к тому же большой рыночной дороговизной основных продуктов питания, занесённых во всех узбекских магазинах в разряд искусственного дефицита).

За этими коллективными посиделками на разбитых деревянных тарных ящиках с кое-где торчащими гвоздями из самого ресторана на нас свысока смотрели гордо восседавшие за столиками с чистыми скатертями узбеки, крымские татары, корейцы, таджики и другой люд, имевший возможность в отличие от нас позволить себе рюмку водки или коньяка в ресторане. Что вызывало у нас не зависть, а удивление – при производительности труда в 18 раз ниже, чем в целом по России, материальный уровень жизни граждан во всех среднеазиатских республиках был в несколько раз выше, чем у россиян. Да и мужики почти все имели дорогие легковые машины и с гордым презрением в своих «Волгах» и «Жигулях», а то и в «ЗИЛах» посматривали на какого-нибудь редкого совкового офицера за рулём потрёпанного «Москвича» или «Запорожца».

Сельские многочисленные узбекские семьи почти все жили в добротных глинобитных домах с дорогими коврами, овчинами, водопроводом, со своими приусадебными хозяйствами и животными. Городские – «в хрущёбах». При этом все узбекские высшие учебные заведения выпускали специалистов низкой квалификации, от которых отказывались все российские предприятия. И, наоборот, на предприятиях Узбекистана ценились русские специалисты и рабочие.

Медицина даже в таких столичных городах, как Ташкент и Самарканд, была на самом примитивном уровне с поборами и откровенным равнодушием почти всего персонала по отношению к больным. Из-за чего офицеры вынуждены были отправлять своих жён и детей в случае их болезней куда-нибудь в Россию. Где врачебная помощь была хоть и на таком же примерно уровне, но имелся шанс попасть к знающему своё дело врачу. К тому же и лечение обходилось гораздо дешевле. Да и получать процедуры на родине всегда приятнее, если в военных госпиталях по месту службы офицера формально запрещалось лечиться всем членам его семьи и гражданским. Фактически же в них на стационаре можно было встретить много золотозубых узбеков и узбечек, не имевших никакого отношения к армии и сумевших за определённую мзду или благодаря родственным связям с медперсоналом пользоваться намного более квалифицированной медицинской помощью, чем за пределами госпиталя.

И, естественно, что все эти большие поборы и взятки везде в Средней Азии, недельные свадьбы с дорогими подарками, под стать гарун-аль-рашидовской щедрости. И сотен в 5 приглашёнными гостями (одними мужиками) в самых дорогих городских ресторанах с богато сервированными столами на фоне низкой культуры, байства, униженного положения женщин (на всех сельхозполях можно было увидеть работающими одних только узбекских женщин) и т.д. Что при низкой производительности труда и обслуживания населения, с повальным воровством всего и вся вызывало у нас удивление и возмущение. Ибо всё наше денежное содержание не было рассчитано на такую базарную анархию с её откровенным вымогательством и с запредельными ценами на товары первой необходимости в соответствии с

повышенными покупательскими возможностями коренного населения. Денег катастрофически всегда не хватало, тем более такой категории офицеров, служба которых проходила в дальних гарнизонах, где жёны не могли устроиться на работу, а дети учиться. Молодые семьи распадались, а невозможность офицерам уволиться из армии по собственному желанию порождало пофигизм в службе и повальное пьянство. На что начальство закрывало глаза, не имея никакой возможности заинтересовать хоть чем-нибудь офицеров в их бессрочной ссылке. Откуда можно было выбраться молодым и здоровым лишь по замене за границу, в основном, в европейские группы войск или советником в какую-нибудь африканскую или азиатскую страну. Но такой подарок судьбы ожидал далеко не всех в этих чёрных дырах, поглощающих здоровье, молодые годы и всякие надежды на справедливость. Страна ведь у нас такая огромная! А таких «бермудских треугольников» было, как снега зимой, и в Ленинградском военном округе и в Московском и на всём пространстве от Калининграда Прибалтики до Уэлена на Чукотке.

И приходилось только лишний раз убеждаться в справедливости утверждений политработников о неприхотливости и чувстве коллективизма всего «золотого фонда страны», то бишь её офицерского корпуса, каждый член которого наравне с другими категориями населения довольствуется малым. И из-за большой коммунистической сознательности не претендует на большее. Наоборот, готов поделиться последней рубашкой с любым узкоглазым или чернокожим, лишь бы тот его зауважал. А поэтому на большее, чем на бормотуху с белым осадком на дне вперемешку с кислым дешёвым пивом возле туалета захудалого узбекского ресторана в компании со своими подчинёнными рассчитывать из-за бедности и «высокой идейности» не может. Несмотря на солидные и престижные должности всех выпивох, звания, большие различия в служебной иерархии и образовании. Бедность уравнивает всех.

Где уж нам было до киношного штандартенфюрера СС (по-нашему полковника) Штирлица, жившего в разгромленной советскими войсками Германии за два месяца до её безоговорочной капитуляции на вилле, имевшего прислугу, разъезжавшего на «Мерседесе», пившего дорогой коньяк и часто сидевшего в дорогих ресторанах с красивыми женщинами.

Или хотя бы до того же бравого солдата Швейка писателя Гашека, во время Первой мировой войны не пропускавшего на своём пути встретившиеся рестораны, чтобы посидеть за кружкой пива или рюмкой сливовицы в компании солдат тыловых команд.

Можно вспомнить и белых офицеров из кинофильма «Новые приключения неуловимых», на протяжении всего фильма не вылезавших из ресторанов в белом Крыму накануне своего окончательного поражения в гражданской войне.

И несть числа таким литературным и виртуальным примерам, взятым из реального западного повседневного образа жизни для всех без исключения

слоёв населения. Где киношная быль в гораздо меньшей степени отличалась от повседневной яви.

Как говорится, «истинно свободен только бедняк». Поэтому и страна наша в отличие от «загнивавшего Запада» была «самой свободной в мире» с её гербом в виде серпа и молота на всех дензнаках, что означало: «Хочешь жни, а хочешь куй – всё равно получишь хвост от селёдки». А посему, не утруждая особо себя на работе и службе, в легальное или самовольно-свободное время, можно было фантазировать о чём угодно за бутылкой бормотухи с кружкой пива в компании таких же, как ты, поклонников Бахуса. Ведь с друзьями на задворках ресторанов приобретаешь своего рода «лестницу наверх» с его неповторимыми ощущениями душевного подъёма, радости, воспоминаниями, окрашенными в магические заволаживающие тона прошлого и своей исключительности. Тем самым отвлекаясь от невесёлой реальности, уходя хоть на время от проблем семейного быта, служебных неурядиц и мрачных мыслей перед будущей неизвестностью.

Отсюда, наверное, и был сделан вывод, что русские люди – самые духовные в мире. Самые читающие (когда любая книга из разряда художественной перешла в разряд дефицита, превратившись наравне с бутылками спиртного в твёрдую валюту). Любящие свою родину (кто ж не поднимал из нас бокал «за родину»). Самые сентиментальные. Вспомним, как мы плакали на просмотрах индийских фильмов. А после сеанса, приняв на грудь по стакану бормотухи, по указке комсомольских вожakov шли митинговать у московских посольств империалистических держав в знак протеста против развязанной ими войны во Вьетнаме, в Алжире, на Ближнем Востоке, оккупацию какой-нибудь Верхней Волги. О которой даже понятия не имели. Или «гносного» убийства в Африке американскими наймитами друга Советского Союза Патриса Лумумбы, возжелавшего Конго сделать 16-й республикой Советского Союза. И шли выражать свой протест с развёрнутыми плакатами и зверскими физиономиями не для того, чтобы потусоваться и через час разойтись, а чтобы выразить свой протест забрасыванием этих дипмиссий булыжниками и флаконами с чернилами. И, вообще, мы самые, самые, самые... При этом почему-то не учитывались грязь в наших подъездах, вонь на жилых этажах, хамство в магазинах и обвес покупателей, обчёты клиентов в столовых и ресторанах, повсеместная коррупция, особенно в республиках Средней Азии, мат почти при любой беседе, мелкие и крупные кражи на предприятиях, пьянство, высокая преступность, высокая смертность. Можно перечислять и перечислять. Наверное, поэтому словосочетание «высокая духовность» в нашей стране приобрело затасканный, ироничный смысл, и всё меньше и меньше используется на писательской ниве для обозначения возвышенного и благородного суждения о русском человеке или о всём российском народе. Как и слова «Святая Русь» или «Москва – третий Рим». Нам бы до столицы какого-нибудь африканского Кот-д'Ивуара дорасти, где местные офицеры

чувствуют себя на равных с гражданскими и могут позволить себе кружку пива в самом ресторане, а не на его захламлённом тарными ящиками дворе. Или вообще, где офицеры и особенно солдаты не напиваются до поросячьего визга по причине острого дефицита или дороговизны коньяка и водки, дорвавшись за чей-нибудь счёт до ресторанного столика с белоснежной скатертью и обслуживающей красивой официанткой.

Хотя и в офицерской среде, как и среди прапорщиков, встречались такие из числа хозяйственников, строителей, военкоматовских работников или других тыловых подразделений, кто мог себе запросто позволить посещение самого дорогого ресторана в любое время дня и ночи. О них ещё Суворов говорил: «Любого интенданта через год его службы можно смело расстреливать без суда и следствия».

Но я отвлёкся. Другая же часть офицеров запиралась в своих штабах, и резалась в домино, карты или другие азартные игры так, что потом командованию дивизии приходилось разбираться с крупными проигрышами игроков по жалобам жён проигравших.

Я предпочитал мирные не на интерес шахматы с Олейником или с Пироговым. Лишь изредка составляя компанию «бормотологам». Так в дивизии у нас прозвали всех выпивох

В нашей офицерской среде бытовала легенда, что, якобы, однажды наш Дальний лагерь посетил Командующий войсками ТуркВО генерал-полковник Белоножка. И, осматривая военный и жилой городок, он поинтересовался: «А где у вас офицеры и прапорщики проводят свой досуг и, вообще, выпивают». Ему ответили, что где придётся. Он приказал немедленно построить в городке кафе. Так появилась в Дальнем лагере наша знаменитая «стекляшка», работавшая, правда, только по вечерам. Но где уже нашим военным можно было посидеть вечером за стаканом креплёного вина и поговорить о службе и смысле жизни на земле.

До нас тогда, в 70-х – 80-х годах доходили слухи, что опальный правозащитник академик Сахаров вменял в вину руководству СССР, что они-де целенаправленно спаивают и калечат дешёвыми креплёными винами всё население страны. Что, мол, сделав недоступным по своей цене водку, себестоимость пол-литровой бутылки которой всего 3 - 4 копейки и продавая ту же ёмкость по цене от 6 до 8 рублей, такая «винная политика» ведёт к уничтожению его генофонда, к деградации и вырождению нации.

Люди вынуждены пить чёрт знает что, чтобы удовлетворить свою жажду. Так это было или не так, но у нас люди стали внимательнее относиться к сообщениям об арестах и ссылках Сахарова и его жены Бонэр, явно симпатизируя им. И мне в этой связи понравилась одна карикатура той поры в журнале «Крокодил»: Моцарт играет на фортепьяно, а Сальери за его спиной с безумными глазами наливает ему в бокал из бутылки с этикеткой «Фруктово-ягодное».

Не потому ли после смерти Брежнева в 1982 году и с приходом к власти бывшего Председателя КГБ Андропова в продаже появилась пол-литровая бутылка «андроповки» по цене 4 рубля?

О нескольких ЧП в нашей дивизии.

В 1982 году нашего начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения подполковника Самарина отправили в Ташкент за топографическими картами. Получив в штабе округа стопку этих карт с грифом «секретно» он их загрузил в прицеп грузовика и привязал проволокой. По дороге из Ташкента в Самарканд, проволока при тряске ослабла, и карты по одному листу стали разлетаться по всему маршруту пути. По приезде в дивизию недосчитались 78 карт. Тут же сообщили в штаб округа и получили команду: «Ищите». И вот где-то неделю наш начальник 8 отдела капитан Дубков с солдатами по всей трассе Ташкент – Самарканд, протяжённостью 290 км, искал эти улетевшие карты. Нашли штук 20 и некоторые из них были уже порваны или обтрёпаны. Начальника штаба дивизии полковника Лисеенко, вместо командировки в Африку, отправили в Монголию военным советником.

Самарину объявили «неполное служебное соответствие», исключили из партии, припомнив ему пропажу оружия со склада, и отправили в запас. Благо у него уже имелась выслуга лет для полной пенсии.

Хотя, что может быть секретного в топографических картах 20 – 30-летней давности, когда на Западе такие же карты любого района земного шара можно приобрести за 25 долларов с пометкой, что в них не отражены вчерашние изменения, зафиксированные спутником.

Затем ещё одно происшествие. Как-то я заступил в наряд помощником оперативного дежурного по части. Дежурным был, начальник артиллерии мотострелкового полка подполковник Львов. И где-то часов в 12 ночи он пошёл отдыхать. Вдруг звонок из автопарка. Взволнованный голос дежурного по парку сообщает, что только что часовой на посту ранил из автомата какого-то гражданского. Львов тут же побежал в парк разбираться, а я сел за телефон и вызвал неотложку и милицию. Минут через 15 приехали милиция и скорая, которая ничем не смогла помочь этому гражданскому, оказавшемуся солдатом Гильматовым, одетым поверх формы в гражданскую куртку. Как оказалось, он шёл из самоволки, будучи подшофе, и никак не реагировал на предупреждения часового: «Стой, кто идёт! Стой, стрелять буду!», предупредительный выстрел вверх. Наоборот, по рассказу караульного, нарушитель засунул руку в карман и словесно стал угрожать расправой: «Да, ты, салага, кого пугаешь! Да я тебя сейчас...!». За пазухой у него потом нашли обыкновенную ложку, которой он и пытался припугнуть часового.

Так глупо погиб солдат из батальона обслуживания Самаркандского высшего военного автомобильного командного училища, который решил сократить путь до казармы.

Часового к уголовной ответственности не привлекали. Перевели на полигон, ибо солдаты часто стали издеваться над ним за это неумышленное убийство.

Где-то в начале 80-х годов на базе нашей дивизии был сформирован, как обычно каждый год, целинный батальон. Но то ли из-за неурожая зерновых, то ли по каким другим причинам этот батальон был направлен не на казахстанскую целину, а в Термез для усиления автобатальонов обеспечения 40-й армии. Командиром этого батальона был назначен подполковник Абдинабиев, а начальником штаба подполковник Назаретян. Однажды при следовании с грузом по территории ДРА сломалась одна машина. Колонна прошла, остановилась машина замыкания МТО, ремонтники быстро отремонтировали автомобиль и поехали вперёд. Регулировщики на постах уже были сняты, и наш водитель вместо поворота налево повернул направо. Заблудился и попал под огонь духов. Когда потом командование батальона спохватилось из-за пропажи одной машины, послали розыскную группу, вскоре обнаружившую её, но дотла сгоревшую вместе с грузом. Рядом с ней валялось много стреляных гильз. Водителя солдата в ней не оказалось. В результате опроса местных жителей узнали, что кто-то видел, как какие-то люди в горы волокли большой тюк. Так без вести пропал у нас один солдат-мотострелок.

Однажды к нам в полк для проверки прибыл старший офицер отдела боевой подготовки округа подполковник Озоринский. Его приезд сразу же ознаменовался несколькими двойками офицерам по артиллерийско-стрелковой подготовке, ибо проверка оказалась внезапной, и никто не знал, какую из 100 разновидностей задач по стрельбе придётся сдавать этому проверяющему.

Удовлетворившись небольшим разносом за плохое знание специальности, Озоринский вместе с нашим начальником штаба полка, в то время капитаном Кузьминым, отбыл в ресторан «2500 лет» в Регистан (старый город). Хорошо выпили, хорошо закусили, а когда стали спускаться вниз по мраморной лестнице этого ресторана, Озоринский оступился и затылком сильно ударился о ступеньку. Да так, что у него образовалась трещина в черепной коробке на затылке, из-за чего он через год или два скончался в Ташкенте после нескольких операций.

Было много разговора в дивизии об этом случае. Кузьмин получил «выговор», по-моему, «за употребление спиртных напитков во внеслужебное время». На этом всё и закончилось. В конце концов, мечта Кузьмина, прерванная кончиной Озоринского, сбылась, и в конце 80-х годов он перебрался в штаб округа на должность кадровика и дослужился до звания полковника.

Как-то наши солдаты из состава караула возле караульного помещения открыли огонь из автоматов по воронам. Дело шло к смене караула, а после недавних учебных стрельб у них оказались автоматные патроны. В результате этой пальбы по воронам кто-то из них убил курсанта

из СВВАКУ, работавшего на стройке автодрома. Одна пуля попала ему прямо в голову.

Начальник связи мотострелкового полка капитан (недавно он был майором) Скрынник повесился у себя дома в туалете в 1985 году. Не знаю, то ли из-за семейных проблем, то ли из-за служебных, то ли просто по пьянке. Его часто можно было видеть на территории дивизии в сильном подпитии, не стеснявшегося в выражениях в адрес командования дивизии прямо им в лицо и в присутствии других офицеров. Можно было иногда увидеть и его жену с дочкой, пришедших с очередной жалобой к командиру дивизии на своего мужа и отца.

В то время до самоубийства можно было довести в армии кого угодно.

Однажды прапорщик нашего полка Раджабов после несения службы в карауле привёл солдат в казарму. Пока солдаты разряжали автоматы, он зашёл в каптёрку старшины батареи к своему другу прапорщику Ахрарову. В каптёрке находился уже прапорщик Варибрус, и на столе стояла початая бутылка «чашмы». Ахраров предложил Раджабову выпить. Но тот заявил, что бормотуху пить не будет. Ахраров со словами: «А у меня и водка есть», - налил что-то в стоящий рядом пустой стакан. Услышав шум в коридоре, Ахраров открыл дверь каптёрки, а когда обернулся, Раджабов уже почти опустошил весь стакан, в котором, как потом оказалось, находился дихлофос, который держали в казарме для выведения тараканов. Со словами: «Ой, что ты мне налил», - Раджабов рухнул на пол. Шутка Ахрарова не удалась, и ему вскоре пришлось отвечать за гибель своего товарища на суде, который определил ему 4 года заключения.

А мы с несколькими офицерами и прапорщиками полка во главе с замполитом Бурыкой стояли на коленях на мусульманском кладбище во время отпевания муллой своего сослуживца-коммуниста.

Старший лейтенант Тумаков как-то на своём мотоцикле, возвращаясь с полигона, будучи под хмельком, сбил одного узбека насмерть. Оказалось, что у этого узбека 8 душ детей. Тумакова осудили на несколько лет, и ему пришлось к тому же выплачивать алименты из своей зарплаты на содержания этих детей до их совершеннолетия.

Начальник продовольственного снабжения капитан Боря Эйзенштейн также попал в автокатастрофу на своей машине, из-за которой погиб находившийся с ним в салоне солдат. Боря также осудили и уволили из армии. Недавно узнал по Интернету, что в настоящее время он с новой семьёй проживает в Германии.

К нашим соседям по квартире часто заходил подчинённый Саши Минаева прапорщик Ключев с женой Мариной. Они до этого вместе служили в Германии и оказались после неё оба со своими семьями в Самарканде. Как-то этот Вася Ключев заступил в наряд дежурным по парку и, имея при себе пистолет «макарова» с двумя снаряженными обоймами, выпил. Вскоре ему показалось мало, и он решил продолжить гулянку в «Максиме», где и оказался в окружении гражданских собутыльников. Выпив прилично в

ресторане, ему захотелось обратно в часть. А для этого вытащил пистолет и стал требовать у одного гражданского, чтобы тот довёз его до КПП. Хотя расстояние до этого КПП от ресторана было всего где-то 30 метров. Гражданский стал отказываться, и Вася наставил ему пистолет к виску. Тот ни в какую. Вася стал стрелять в потолок ресторана и тут второй собутыльник схватил за руку Клюева, потянул её вниз, и жизнь гражданского владельца машины закончилась выстрелом в висок.

За это преступление Клюеву дали 7 лет заключения. Из которых 1 год он отсидел в Катта-Кургане, после чего был отправлен в Самарканд на вольное поселение, где стал жить в общежитии, находившееся недалеко от нашей дивизии. Его часто можно было видеть в пивных заведениях Богишамала или Поворота в окружении собутыльников. Часто приходилось в этих забегаловках, куда я заскакивал утолить жажду кружкой пива, «одалживать» ему деньги во имя «прошлой дружбы». У него была квартира в Самарканде в Согдиане, но он должен был каждый день вечером отмечаться в своём общежитии, где жили такие же уголовники, как он сам. Они же его в один прекрасный день и выбросили из окна 3-го этажа по пьянке, ибо Вася обладал дурным, задиристым характером, когда выпивал хоть самую малость.

Как-то после гибели Клюева я встретил в городе его жену Марину. Она сама, узнав меня, подошла ко мне. Красивая в прошлом 30-летняя женщина превратилась в дряблую морщинистую старуху, в которой я с трудом узнал подругу Нины Минаевой на наших совместных застольях.

Бут однажды стоял оперативным дежурным. Ему позвонил майор Финчурун и попросил выделить дежурную машину для рыбалки. Фёдор Григорьевич по простоте душевной отправил машину на рыбалку. И, когда эта машина возвращалась назад при повороте, придавила дневального по КПП к воротам, таз у которого в результате наезда оказался поломанным в нескольких местах. Досталось по служебной линии и Буту и Финчуруну. Солдата комиссовали на гражданку.

Были и другие происшествия, самоубийства солдат, взрывы гранат на территории части и однажды возле самого штаба дивизии, - у нас одно время жило много солдат-афганцев, которые, видимо, хотели заставить всех нас пережить то, что пришлось пережить им на войне. Были легко раненые. А однажды один солдат новобранец из моего батальона, которым я командовал на полигоне перед отправкой призывников в Афганистан, получил лёгкое осколочное ранение по моей вине. Я проводил метание ручных гранат РГД-5 из-за деревянного щита и увидел, что один солдат, несколько минут назад уже метнувший гранату, подошёл ко мне, чтобы во второй раз получить удовольствие в этом спортивно-боевом упражнении. Я забрал у него гранату и, отругав его, послал назад, сам метнув её. Один осколок от этой гранаты задел руку этого уходящего солдата. Слава Богу, рана оказалась простой царапиной, и всё обошлось без медицинской помощи и доклада начальству.

При метании ручных гранат были и такие солдаты, которые от страха зажимали её в руке уже без выдернутой чеки и боялись бросать её и даже выпускать из рук, судорожно сжимая эту ребристую металлическую грушу. Приходилось спокойно либо с комментариями каждого движения заставить такого солдата всё же метнуть гранату, либо, рискуя подорваться, забирать её из трясущихся солдатских рук и самому бросать этот фугас.

Запомнился один случай в Келяте, когда после артиллерийских стрельб все подразделения и орудия вернулись в парк, вдруг один сержант докладывает: в одной 122-мм гаубице остался снаряд в стволе. Командир батареи, не придумав ничего лучше, приказал разрядить эту гаубицу выстрелом по темневшему вдаль пятну на одном из барханов, ибо разрядить гаубицу с отдельным зарядом гильзы (её можно было вытащить экстрактором) и снаряда можно было только таким способом. Раздался сильный хлопок и взрыв возле этой цели, всё орудие обволокло поднявшейся от сильной встряски пылью. Вскоре из этого пятна, оказавшимся натянутым тентом с маскировкой наблюдательного пункта, показались головы офицеров, присутствовавших на занятиях по тактической подготовке. Никто не пострадал.

Были случаи по всей армии, когда солдаты и матросы пытались разрядить орудия, выбивая штангой банника снаряд из ствола со стороны его среза или дульного тормоза. Что приводило к печальным последствиям, ибо первый удар, как я уже писал – взрыватель снаряда взводится, второй – он уже срабатывает.

Много происшествий с гибелью и увечьем людей происходило при стрельбе из миномётов. Когда при интенсивной стрельбе заряжающие подносили или опускали в трубу мину при не вышедшей из неё предыдущей мины.

Об этих и подобных случаях мы узнавали на еженедельных зачитках приказов.

Подробности многих других происшествий уже выпали из моей памяти. Много было и других различных правонарушений, в том числе и автокатастроф.

За всю свою 10-летнюю службу в Самарканде мне, как и другим офицерам нашей дивизии, приходилось выезжать в районы и проводить занятия с приписным составом по военкоматам. Брали с собой технику: миномёты, БМП, автоматы и др. Но на всех этих занятиях больше застольничали, чем занимались делом. Ибо офицеры военкоматов не могли обеспечить хоть минимальную явку на занятия всего приписанного состава и, боясь, что от нас пойдут жалобы вверх о срыве этих занятий, нас усердно потчевали в лучших ресторанах районов.

Простые узбеки привыкли к разного рода поборам и к военкоматам все они относились с почтением, ибо именно от военкоматовских офицеров зависело их благополучие в виде службы сына или внука поближе к дому, неотправка служить в Афганистан, освобождение от сборов или от целины.

Зависимость большая и возможностей для обогащения много. Ведь за всё нужно платить и это все давно уже хорошо усвоили. Доходило до крайностей. Мне офицеры военкоматов говорили, что даже при награждении фронтовиков какой-нибудь очередной юбилейной медалью или орденом, который они заслужили своей кровью во время Великой Отечественной войны, когда военкоматовский офицер протягивает руку с наградой, а другой, кто получает эту награду, протягивает в руке 20 – 25 рублей. «Восток – дело тонкое» и в Средней Азии все давно привыкли пускать шапку по кругу в кишлаке, когда кто-нибудь женится или выходит замуж, когда кого-нибудь призывают в армию или на очередные сборы. Когда кто-то хочет купить машину или мотоцикл. Когда надо удержать единственную учительницу, обучающую детей в кишлаке, чтобы она не сбежала в другой кишлак или в город. Или врача, сидевшего на нищенском окладе, чтобы не лишиться окончательно медицинской помощи. Ведь расстояния в Средней Азии большие и ждать скорой медицинской помощи неоткуда. Все эти поборы зависели в прямо-пропорциональной зависимости от спускаемого из Москвы бюджета на строительство школ, детских домов, детских садов и т.д., который распределялся меж кланами и служил гарантом сохранения СССР и своего рода стимулом для лояльного отношения к советской власти. Довольствуясь на местах той социально-бытовой инфраструктурой, которая была построена на костях репрессированных в 30-х годах прошлого века. Вот почему на референдуме 1991 года большинство узбеков, как и других нацменов Средней Азии, проголосовали за сохранение СССР. Всех устраивали установившиеся денежные взаимоотношения и хорошо налаженная система поборов.

Но не всегда эта система срабатывала. В середине 80-х годов привлекли к уголовной ответственности несколько высокопоставленных военкоматовских работников за взятки.

Сел на скамью подсудимых и начальник инфекционного отделения Самаркандского госпиталя подполковник Асатулаев. Он за взятки освобождал призывников от службы в Афганистане под предлогом надуманных болезней. За что и поплатился 8-ю годами лишения свободы.

На полигоне под Самаркандом на всех сборах молодых солдат перед отправкой их куда-либо для срочной службы мне запомнилась одна жестокая драка между новобранцами, - узбеками и туркменами. За что между ними была такая постоянная вражда, до сих пор ума не приложу. Только после этой драки вся моя карьера повисла на волоске, ибо один солдат из моей роты получил такой удар палаточным колом по голове, что впал в коматозное состояние. Красичинский тогда мне прямо заявил, чтобы я молил Бога, чтобы этот солдат Садыков (я запомнил даже его фамилию) выздоровел, иначе «сгною в звании капитана» (я тогда был майором). К счастью, Садыков выздоровел, и вскоре об этом случае все забыли. Только впредь всех новобранцев узбеков и туркмен стали селить на больших расстояниях друг от друга. Благо на полигоне для этого имелось много места.

Одно время где-то в течение одного месяца я командовал на полигоне под Самаркандом батальоном молодых солдат перед отправкой их в Афганистан. Почти все призывники были с Кавказа, и постоянно возле ворот крутилось много родителей. Отец и мать одного из них обратились ко мне с вопросом, как помочь им, чтобы их сына оставили здесь в Самарканде и не отправляли в действующую армию. Предлагали мзду, от которой я отказался, и посоветовал первое, что мне пришло на ум, обратиться с этим вопросом к нашему врачу майору Швейкаускасу. Они уцепились за эту идею, и вскоре я узнаю, что их сын признан негодным к службе в 40-й армии по состоянию здоровья.

Позже из-за майора Швейкаускаса я чуть было не стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Однажды после холодной ванны у меня поднялась высокая температура и я, естественно, пошёл на приём к нему. Швейкаускас и слушать меня не стал, не то что осматривать, и заявил, что полковник Давыдов ввиду предстоящей проверки нашей дивизии запретил кому бы то ни было болеть.

О Швейкаускасе я знал, что он был литовцем по национальности и прибыл к нам недавно. Я всегда находил общий язык с офицерами литовцами. В Ашхабаде был в хороших отношениях с майором Люокайтисом. В Термезе с подполковником Блошкисом. В Самарканде в нашей батарее служил добросовестный солдат Грабаускас, трудолюбие которого отмечало всё командование полка, и его всегда ставили в пример остальным солдатам. И с ним я был в хороших отношениях.

Через несколько дней меня свалил паралич конечностей. В госпитале, куда мы с женой отправились на попутной машине, мне вскоре поставили диагноз – ревматоидный артрит. Почти два месяца я пластом лежал на койке терапевтического отделения, и начальник этого отделения подполковник медицинской службы Приев после моего выздоровления признался, что не надеялся уже на благоприятный исход, ибо положение моё было очень тяжёлым.

Хочу наравне с Приевым особо отметить внимание и заботу ко мне врачей подполковника Татинцева Арнольда Мнацакановича и Лизунову Нелли Дмитриевну. Которые выходили меня и поставили на ноги, поэтому огромное им спасибо, что не позволили болезни скрутить меня по рукам и ногам на всю жизнь.

В мае 1985 году ввели сухой закон в стране и прекратились разного рода банкеты, чествования юбиляров, обмывка званий и т.д. Перестала работать наша «стекляшка». Водка из-под полы у местных жителей возросла в цене на разы. Совместные встречи Нового года оказались под запретом. Я недоумевал – как будто дьявол серости и будничности спустился на землю, на которой все люди перестали улыбаться, погрузившись в свои домашние заботы и проблемы на работе и службе. И походы наших офицеров и прапорщиков в рабочие дни к ресторану «Максиму» намного уменьшились. Люди стали очень осторожными, и все пьянки в конце концов переключались в

домашний быт, а то и, вообще, под одеяло. Впечатление было такое, будто остановилось время, и что всех нас ждёт впереди – полная неизвестность. Как теперь встречать Новые годы, праздновать свадьбы, юбилеи, повышения по службе, присвоения званий – никто не знал. Как, наконец, встречать теперь членов комиссий для проверки дел в частях. Ведь испокон веков в армии ценились гостеприимство и хлебосольство, и вот такой поворот. Нам говорили, что надо-де мыслить по-новому, в соответствии с новыми требованиями и новым мышлением. Хотя со времён оных в армии гуляет один анекдот про адмирала, который решил проверить боеготовность своей эскадры: «Приезжает адмирал с инспекционной проверкой и ему на крейсере капитан первого ранга докладывает: «Товарищ адмирал, экипаж такого-то крейсера к проверке готов. Командир корабля такой-то». Адмирал: «И?». Тот не понимает, в чём дело и адмирал бросает в сердцах: «Двойка тебе за всю проверку». На другом корабле тот же самый результат. Капитан 2 ранга не понимает, что значит «И?» из уст адмирала. И вот дело доходит до ржавого-ржавого катера, который тянули на буксире. Адмирал в этот катер и ему ушлый, старший лейтенант докладывает: «Товарищ адмирал, экипаж такого-то катера к проверке готов, командир старший лейтенант такой-то». Адмирал: «И?». Старший лейтенант: «Стол накрыт». Адмирал: «И?». «Бабы будут». Адмирал опять: «И?». «Замполит уехал в отпуск». Адмирал: «Вот у тебя всё нормально, пошли обмывать отличную оценку».

Пошло и поехало. Полетели генералы и многие старшие офицеры со своих должностей только за запах спиртного в рабочее время, с предельной нагрузкой заработали суды офицерской чести, суды прапорщиков, ужесточили прокурорский надзор, на почве пьянства и алкоголизма в армейской среде вскрылся ряд должностных преступлений, связанных с хищением имущества со складов и денежных средств. Короче, в армии взялись наводить порядок, о котором все его зачинатели не имели ни малейшего представления. Ибо в сознании каждого кремлёвского небожителя и высшего армейского руководства он ассоциировался в первую очередь со сталинскими порядками в стране и в армии, когда все под страхом какого-либо наказания старались изо всех сил обеспечить свою семью минимумом благополучия и семейного уюта при так называемом равенстве всех членов общества. А что может быть большим рабством, чем равенство всех членов общества? К тому же на смену всем этим пьяницам, несунам, ворам и откровенным бездельникам приходили другие такие же сменщики и положение дел в армии только ухудшалось из-за калейдоскопической смены руководства.

В апреле 1976 года Самарканд несколько раз прилично потрянуло из-за подземных толчков в районе населённого пункта Газли возле Бухары. Самым мощным был первый толчок. Я утром стоял на Повороте в ожидании автобуса до Дальнего лагеря, и вдруг земля качнулась, как на качелях. Люди пришли в возбуждение и стали выбегать из магазинов, с витрин которых посыпались банки и бутылки. Вскоре мы узнали, что произошло

землетрясение, сила которого в эпицентре достигла 8 баллов, что вызвало разрушения и человеческие жертвы в самом Газли. До Самарканда первая подземная волна докатилась в 6 баллов, и нас трясло ещё где-то в течение одного месяца. Но разрушений, насколько мне известно, в Самарканде никаких не было.

Однажды я был в командировке в Каршах, где засиделся допоздна в какой-то пивнушке дремучего парка за бутылкой бормотухи. А когда возвращался назад в гостиницу, услышал женский крик. Пошёл на него и увидел молодую узбечку в окружении четверых или пятерых то ли молодых узбеков, то ли крымских татар (после их депортации из Крыма в 1944 году многие осели в Узбекистане) отчаянно вырывавшуюся из рук одного из них. При виде меня она жалобно запросила о помощи. Молодые люди уставились на меня, хватка ослабла и она, воспользовавшись благоприятным моментом, вырвалась на свободу и бросилась со всех ног бежать вон из парка. Какое-то время продержалась пауза, которую я нарушил словами, что-де женщину или девушку нельзя покорять силой. Всё должно происходить добровольно и по взаимному согласию. После этих слов я повернулся и продолжил движение из парка. Не услышал ни слова в ответ или какого-либо враждебного проявления. Хотя было много случаев нападений нацменов и на нашего брата, в основном, по вине молодых горячих голов офицеров, и даже с убийствами последних.

Для меня было странным то, что объектом своего сексуального домогательства была выбрана у мусульман мусульманка. Видимо, молодлѣжь действовала по принципу: «На безрыбье и рыба раком».

Ещё об одной командировке. Где-то в начале 80-х годов я приехал в Бухару за молодыми солдатами для Афганистана. Кажется, для стройбата. Так при погрузке в эшелон попал в такую толчею, что не думал уже из неё выбраться живым. Гражданские, а в их числе и родители, валом валили к эшелону, и никакое оцепление из милиции не могло их остановить. Задние напирали на передних. Меня с новобранцами сжали со всех сторон так, что дышать стало трудно. Когда я с другими офицерами с большим трудом погрузили новобранцев в вагоны, гражданские стали лезть в вагоны. Многие из них были пьяные. Летели камни и бутылки в вагонные окна. Помню, что я толкнул так одного узбека с тамбура, что он упал и разбил себе лицо. Мне стало жалко его, раздались угрозы в мой адрес.

Как я слышал потом, тогда человек 20 серьёзно пострадали.

В апреле 1985 года, когда я был в опале и ждал своего назначения с понижением в должности, меня вдруг направили в командировку в Чарджоу за 15-ю новобранцами. Которых вместе со всем эшелонем остановили в этом городе по распоряжению руководителя СССР, самого М.С.Горбачёва, не довезя этих новобранцев до конечного пункта назначения – Ташкента. Этот эшелон с призывниками был сформирован на станции «Кавказская» Ставропольского края. Была назначена администрация эшелона, и вскоре он

двинулся в путь через Астрахань, Бухару с предполагаемым временем нахождения в пути четверо суток.

Как обычно, проводники делали бизнес на водке и другом дефиците, зная, что призывников их сердобольные мамки и бабки снабдили деньгами, чтобы дети не нуждались ни в чём по пути следования до места службы. Молодые солдаты почти все являлись кавказскими нацменами и с винными парами в головах на всех стоянках в пути следования стали устраивать погромы магазинов и ресторанов и всевозможные беспорядки. Говорили, что несколько человек гражданских поплатились за это жизнями и увечьями и среди них одна малолетняя девочка, несколько отделались ушибами и травмами. От других слышал, что никаких жертв не было, если не считать несколько побитых физиономий.

При этом администрация эшелона пыталась всеми способами прекратить беспорядки. Говорили, что даже пришлось стрелять из пистолетов и автоматов в воздух, но всё это не возымело действия, и бесчинства продолжались.

В общем, пришлось в Чарджоу эшелон останавливать и расформировывать. Группа призывников оказалась под следствием на гарнизонной гауптвахте. В Чарджоу понаехало много следователей и чем закончилось это расследование, я не знаю, потому что вскоре с 15-ю призывниками из этого злополучного эшелона прибыл поездом в Самарканд.

Мне кажется, что это было первое или одно из первых проявлений кавказского национализма, ибо за всю свою службу не слышал ничего подобного. И даже сравнительно недавно до этого случая, в 1981 году, мне тоже пришлось сопровождать новобранцев со станции «Кавказская» до Ташкента. И у нас не было в пути никаких проблем.

Говорили, что многие призывники во время тех погромов выкрикивали антисоветские лозунги и якобы даже размахивали зелёными полотнищами Ислама на глазах пассажиров придорожных вокзалов.

Не исключаю и вину администрации поезда, ибо знаком с системой поборов с призывников по дороге следования в эшелоне, якобы за разбитые стёкла в вагонах, для нужд проводников, наводящих порядок за призывниками, за поломанные столы и откидные постельные кушетки и т.д. Поэтому возможно офицеры и прапорщики переборщили, чем вызвали ответную реакцию горячей кавказской молодёжи.

Пусть историки теперь разбираются с тем происшествием, если сохранились где-либо материалы расследования. Ведь сколько пропало бесценного архивного материала после распада СССР и Советской Армии!

Вообще, о поборах в армии можно говорить много. Под предлогом пищевых отравлений у молодых солдат отбирали продукты: сухофрукты, лаваш, чебуреки, кишмиш и т.д. для своих нужд. Отбирали ножи, ибо запрещалось их везти через границу. Брали деньги с родителей солдат с обещанием устроить их сына, племянника или внука в самом Самарканде вместо Афганистана или другой загранички. Родителям и родственникам

новобранцев приходилось также расплачиваться с «покупателями-офицерами» коврами, ящиками водки или сюзанэ за обещания оставить их родных в Союзе. Все эти обещания, конечно же, не выполнялись и часто родственники мстили обманувшим офицерам и прапорщикам, подкарауливая их у проходной и избивая за такой подлый обман.

Часто после отправления эшелона с перронов в стёкла вагонов летели пустые бутылки. В ответ те же пустые бутылки летели в провожатых на перроне, возможно, в провожавших их матерей, сестёр и братьев. Бывало, что мы приезжали в пункт назначения без единого стекла в вагонах.

Были случаи нападения новобранцев с ножевыми ранениями сотрудников администрации эшелонов.

Многих офицеров дивизии с вводом войск в Афганистан стали по замене отправлять служить в 40-ю армию. Кое-кого привозили обратно в наручниках, как, например, офицеров Р. и Т. за откровенный разбой и мародёрство в отношении местного населения. А кого-то в цинковых гробах, как подполковников Сурского и Сулиму. Первый был командиром батальона, завалившим жалобами штаб округа и Минобороны с просьбой дать ему возможность повоевать в составе 40-й армии. Вторым являлся у нас замполитом мотострелкового полка.

Служил также в нашей дивизии в танковом полку, дислоцированном на полигоне, который недавно был выведен из Афганистана, один лейтенант, в прошлом кадет, фамилию которого не помню. Заваливший все инстанции жалобами с просьбой уволить его из армии. Он уже, по сути, и не служил, с утра до вечера валяясь у себя в палатке, и читая разную литературу всю подряд. Он не пил, не курил и мечтал только об одном – уволиться из армии и начать жизнь с нуля, пока ещё молодой и полон сил, уехав к себе на родину и поступив в гражданский институт после увольнения из армии.

Командование полка и дивизии привыкло уже к его такому поведению и делало всё зависящее для его скорейшего увольнения. Но не так-то просто было в то время уволиться из армии! Даже после того, как в Москве пообещали в скором времени уладить вопрос с увольнением этого лейтенанта без очередного суда офицерской чести над ним, и все в полку вздохнули с облегчением, вдруг последовал приказ о направлении его в 40-ю армию. Приказ есть приказ и его надо выполнять, лейтенант поехал в Афган., из которого через месяц прибыл к нам в цинке.

Очень много офицеров из нашей дивизии за все 10 лет моей службы умерли в молодом возрасте от болезней: командир мотострелкового батальона майор Хруслов, зам по снабжению ракетного дивизиона майор Бахтригер, зам по тылу нашего полка подполковник Аксельрод, командир дивизии полковник Давыдов, начальник артиллерии мотострелкового полка подполковник Усманов, майор Желтов, подполковник Петрухин, прапорщики нашего полка Раджабов и Шлычков, мои друзья из СВВАКУ подполковники Климов и Полканов. И многие,

многие другие, имена которых я уже не помню. Все они умерли, кто уже на гражданке, кто во время службы, и все они не дожили до 40 - 50 лет. А сколько офицеров служили с двумя-тремя инфарктами, инсультами, перенёсшими тиф, желтуху, дизентерию и другие южные болезни!

До нас доходили слухи, что в штабе Округа было много отказников из числа офицеров, которые не желали служить в Афганистане. Они бросали партбилеты на стол, посылали всё начальство на х... и как с ними поступали в этом случае, я не знаю. В основном, это была, конечно же, молодёжь, не желавшая служить в армии, тем более, когда кого-нибудь пытались с городского, тёплого, родного местечка направить под пули, в неуют и в неизвестность. Ведь страна у нас такая большая! И если где-нибудь в Чехословацкой армии офицерам-чехам платили большие деньги за отдалённость от 200 км и дальше от родного дома, то здесь и за 6000 км никто платить ничего не будет. Да ещё всеми способами постараются из тебя сделать смесь, что-то среднее между русским, узбеком или туркменом, в целях создания новой породы людей на территории Советского Союза, типа новых гомосеветикусов.

Времена стали другими. Люди 80-х годов перестали быть бессловесным быдлом, стали думать. И такого советского патриотического воодушевления, как во времена оккупации Польши в 1939 г, в Финскую кампанию 1939-40 гг, в Великую Отечественную войну 1941-45 гг, при подавлении восстания в Венгрии в 1956 г., в стране уже не было. Люди стали другими и захотели лучшей жизни сейчас и сегодня, а не в отдалённом будущем и не за счёт разрушений городов, сёл и страданий народов других стран.

И очень жаль, что коммунистическая пропаганда идей социализма и коммунизма осталась в середине 80-х годов на уровне 30-х годов. Сужу об этом по политзанятиям, которые регулярно проводились в войсках, цель которых оставалась прежней – сделать из каждого солдата и офицера безропотного исполнителя любых приказов партии и правительства, своего рода железного робота или, по словам всесоюзного старосты М.И.Калинина, «критика с винтовкой». Любое инакомыслие на политзанятиях, проводимых на уровне замполитов полков, пресекалось. Офицеры и прапорщики должны были высказывать только официальную, как в средствах массовой информации, точку зрения. Ушли в прошлое наши вольные дискуссии при Брежневе, как в Ашхабаде на политзанятиях под руководством пропагандиста полка майора Абрамсона или на занятиях других политработников. И откровенные антисоветские высказывания на них. Именно в то время появился в армии один анекдот, характеризующий отношение военнослужащих к политработе: «Женщина в 4-й раз выходит замуж, и в четвёртую брачную ночь оказалось, что она девственница. Молодожён, естественно спрашивает, как так получилось? Новобрачная отвечает: «Первый муж у меня был француз – занимались оральным сексом. Второй был армянин – занимались анальным сексом. А третий был замполит – мозги е...л».

Нельзя было выпущенного на волю джина загнать обратно в бутылку, как и мясной фарш повернуть назад. Народ стал другим, и жаль, что руководство страны вплоть до прихода к власти в стране Горбачёва в 1985 году этого не понимало.

Есть такое понятие в философии, как «взросление нации». Если, например, Англия выросла до отмены крепостного права ещё в конце 14 века, после восстания Уота Тайлера в 1381 году (на Руси в то время и понятия не имели о крепостной зависимости крестьян). А негры в США в 21 веке выросли до президента Обамы по пословице «От хижины дяди Тома до Барака Обамы». То в России отмена крепостного права произошла лишь во времена Хрущёва, разрешившего колхозникам иметь паспорта в середине 60-х годов прошлого века. Хотя официальным годом отмены рабства в России является 1861 год. Не мудрено, ведь русская нация сформировалась лишь во времена Ивана Грозного. Не отсюда ли все наши беды, связанные с чрезмерными захватническими амбициями руководителей СССР, у которых мышление всегда существовало где-то на уровне Чингиз-хана с мечтой о мировом господстве? И если на карте Европы испокон веков существуют маленькие независимые княжества: Монако, Лихтенштейн, Сан-Марино, Ватикан и т.д., - то существование подобных независимых государств на карте Советского Союза в принципе было невозможно. Хотя, что может быть лучше торговли и взаимовыгодного сотрудничества с соседними государствами, чем их покорение и содержание на иждивении? Ведь, когда в семье вырастает младший брат, он по законам природы требует самостоятельности и свою долю наследства для обеспечения уже своей, только что созданной семьи. И в этом нет ничего противоестественного. Не может же старик бесконечно долго содержать своих здоровых внуков и правнуков, и всю их многочисленную родню.

Кем только мне не приходилось быть за всё время службы в армии – и строителем, и автослесарем, и юристом, и снабженцем, не считая своих обязанностей как командира артиллерийского подразделения. Поэтому и низкий процент специалистов в армии, ибо почти каждому офицеру и солдату за время службы приходилось заниматься не своими родными вопросами по военно-учётной специальности.

Когда-то все мы на занятиях по тактике удивлялись большой численности по личному составу американских дивизий. Но вскоре выяснилось, что эта численность достигалась за счёт подразделений обслуживания и военной полиции. То есть, водитель только крутит баранку, а обслуживанием его автомобиля занимаются ремонтные бригады. Расследованиями по фактам административных преступлений занимаются только офицеры из военной полиции, ибо эти административные нарушения часто соседствуют с уголовными. Боеприпасы и другое военное имущество из эшелонов разгружают и загружают только специально созданные команды.

Строительством военных объектов занимаются гражданские строители и т.д.

При этом пехотинец занимается только своими дисциплинами, артиллерист и другой армейский профессионал своими. Каждый по своему предназначению в бою. Вот такова организационная структура дорогой армии.

В советской же, самой дешёвой в мире, как мне вдалбливали политработники, если командиру взвода придётся на следующий день преподавать грамматику китайского языка, то всего лишь за одну ночь он должен был выучить весь китайский язык с его двумя тысячами иероглифов. И вообще заниматься чем угодно, только не повышением своего и своего подразделения боевого мастерства. При этом политработники приводили примеры, как все армейские специальности познавались в бою, если каждый солдат или офицер хотел выжить. А основным-де методом обучения в армии в мирное время «является самостоятельная подготовка». В нашей «мотострелецкой» дивизии говорили, что «у суток есть ночи – вот и учитесь по ночам стрелять по Правилам стрельбы и Курсу стрельб. А здесь вы будете выполнять то, что вам прикажут».

Наверное, поэтому все мы не служили в армии, а прозябали в ней, расширяя свой кругозор и усваивая верхушки знаний всех подряд армейских и гражданских дисциплин. Попутно выживая и зная наперёд, что если даже и доживёшь до увольнения в запас, всё равно долго не протянешь на гражданке. Ибо в обстановке далёкой от нормальных условий распорядка дня, обучения и быта приходилось все 25 лет службы отвечать по полной программе за то состояние дел, за которое должны отвечать другие офицеры-специалисты. Но на содержание которых у государства нет средств. Поэтому Первая Чеченская кампания 1994 – 96 гг показала, как мы «умеете воевать!» с моджахедами.

В 1983 году к нам на должность командира артиллерийского полка, вместо ушедшего на должность начальника ракетных войск и артиллерии дивизии подполковника Брыжакина, прибыл майор Галустян Захарий Артёмьевич. С которым у меня сразу же не сложились отношения.

Как говорится, Бог всем судья, если он и я после нового приказа Министра обороны №85 за 1984 год «О материальной ответственности военнослужащих» стали защищать свои интересы.

Дело в том, что по этому приказу без суда и следствия разрешалось теперь удерживать из и без того не густого денежного содержания офицеров и прапорщиков такие суммы за разворованную автотехнику и другое военное имущество (в 3-хкратном за пропавшие детали авто и бронетехники и в 10-кратном за имущество вооружения) суммы. Которые раньше и в кошмарном сне присниться никому не могли. К тому же без ограничений и, по сути, без права обжалования через военные прокуратуры и гражданские суды. Суммы по стоимости в три – четыре легковых машин ГАЗ-24 («Волги»), которые в любом гражданском суде обычно сопровождалось 10 – 15 годами заключения, стали удерживаться теперь в армии лишь по распоряжению командира полка или дивизии, при невозможности установления истинных расхитителей военного имущества, которых, в общем-то, и не искали

никогда. Но когда была установлена должностная «халатность», которую всегда легко доказать. Теперь всё вещественное стало более чем существенным.

Всеми этими волевыми мерами из Москвы, видимо, решили навести порядок в армии и на флоте. Когда не только многие автомобили в воинских частях не могли выйти по тревоге из-за того, что солдатики на них обменяли стартеры, карбюраторы, реле-распределители и др. на дешёвое креплёное вино в местных кишлаках, сигареты и конфеты.

Трудно сохранить то, что никому не принадлежит. Наверное, поэтому в стране всё разворовывалось. Импортное, закупленное за миллиарды долларов за рубежом оборудование для заводов и фабрик ржавело под открытым небом, а то и специально топилось в болоте.

В армии из-за бардака в ней все и так, как чёрт от ладана, бежали от материальной ответственности за любое подотчётное имущество.

А когда армейское руководство решило остановить процесс его разворовывания незаконными приказами, все ещё больше стали бояться любой ответственности. На должности старшин рот и батарей приходилось ставить срочников, ибо никто из прапорщиков не соглашался на эти должности из-за их чрезмерной объёмности и ответственности. А ведь институт прапорщиков был введён в армии в начале 70-х годов в первую очередь специально для помощи офицерам - командирам в их работе с личным составом и ответственности за всё имущество подразделений.

До приказа №85 за всё имущество «НЗ» согласно штату мирного времени дивизии должен был отвечать командир батареи хранения полка. Хотя командование полка пыталось повесить всю технику «НЗ» на командиров дивизионов и начальников служб. Техника менялась. Одни ЗИЛы как тягачи орудий уходили в народное хозяйство, им на смену приходили другие машины. Создалась путаница в учёте, на которую мало кто обращал внимание, ибо в любом случае за всю выявленную недостачу при хранении техники с командира дивизиона или другого должностного лица могли удержать из жалованья только треть должностного оклада. Что составляло около 50 рублей при немедленном списании всего утерянного имущества плюс «выговор» по служебной линии за «слабый контроль». Теперь же всё изменилось и, естественно новый командир полка стал требовать от меня расписаться в новых актах приёма. Я наотрез отказался, ибо постоянно докладывал командованию полка и дивизии о всех случаях пропажи с тягачей, топопривязчика и машины МТО имущества. Представил составленные акты за последнее время с указанием недостач. Пытался доказать, что при сложившейся в полку системе хранения. Когда все ЗИЛы и аккумуляторы хранятся в одной каптёрке и в одной аккумуляторной и навалом, я не могу нести ответственность в таком объёме, ибо не в состоянии уследить за каждым солдатом батареи и за каждым винтиком техники.

Называл фамилии солдат, пойманных за кражей деталей навесного оборудования машин и групповых во главе с целыми прапорщиками. Отделавшихся после недолгого разбирательства лишь устными замечаниями. К тому же все воры-солдаты вообще были уволены из армии в запас раньше остальных своих товарищей из-за боязни командования полка и дивизии иметь потенциальных чепешников в части и тем самым пошли на поводу у них, грезивших «скорейшим дембелем». А наши прапорщики как служили, так и продолжают путать военное имущество со своим личным. Воровство - старая болезнь нашей страны, когда на вопрос: как дела в России,- можно всегда ответить одним лишь карамзинским словом: воруют.

И вообще, мне был не понятен штат мирного времени нашей «бумажной дивизии», когда где-то на 500 – 600 единиц автотехники в соединении не было предусмотрено ни одного штатного автослесаря, ни одного специалиста по электрооборудованию двигателей. Все эти должности по документам занимали рядовые солдаты, которые не имели никакого понятия в своей специальности и лишь формально числились специалистами в дивизии. А начальники автослужб полков отвечали только за организацию хранения и эксплуатации автотехники и к ремонтным и восстановительным работам разукomплектованных машин не прикасались. Сваливая все эти проблемы на командиров подразделений, у которых были далеко не автомобильные специальности по штату, и даже не родственные. В Москве, наверное, посчитали, что если техника стоит на длительном хранении и не эксплуатируется, то и специалисты таким дивизиям не требуются. А то, что эта техника с периодичностью раз в пять лет участвует в развёртывании полков и дивизии, что часто машины приходилось снимать с длительного хранения для повседневных нужд полка и соединения в расчёт почему-то не принималось. Конечно же не принималось в расчёт и систематическое обворовывание этой техники теми, кто по долгу службы должен был охранять и обслуживать её.

Наверное, в том числе и по этим причинам все эти «бумажные дивизии» в ТуркВО и в других округах страны в конце 80-х годов были расформированы и на их основе были созданы базы хранения с другими штатами мирного времени. В СССР, где всё вокруг принадлежало всем, а по сути сонмищу безответственных бюрократов, когда ничего долго хранить было нельзя. Ни одна база хранения с колючкой под высоким напряжением и с висячими амбарными замками на воротах не выдержит натиска избалованных советской властью искателей приключений, рвачей, алкашей и наркоманов. Даже из числа воинов-отличников боевой и политической подготовки. Не говоря уже о гражданских, которые также были не прочь поживиться за счёт военного имущества при обесценивании денег и абсолютном дефиците на все товары первой необходимости, особенно спиртосодержащих жидкостей, вплоть до ацетона. Который при соответствующей обработке пищевой содой можно смело употреблять

внутри и получать так необходимую в этом армейском бардаке свою дозу кайфа.

Судя по статьям в газетах «Красная Звезда» и окружной в «Фрунзевце» после этого 85-го приказа Министра обороны на самый верх посыпались жалобы не только от офицеров и прапорщиков, но и от их членов семей. Ибо все лишились и так скудного денежного содержания при невозможности хоть какого-либо трудоустройства членов семьи, особенно в отдалённых гарнизонах.

Мне «понравился» фарисейский ответ одного высокого политработника в газетной газете «Фрунзевец». Что мол «при проведении учений или хранении техники, кроме вектора политического, вектора военного, нужно теперь учитывать и вектор экономический. И стоять на страже в первую очередь интересов государства, а не Иванова, Петрова, Сидорова, по вине которых машина или танк пришли в негодность».

Да, в непрофессиональной армии, наверное, было нельзя иначе. Только я думаю, что любое государство и состоит из этих самых ивановых, петровых и сидоровых. И вину, что машина или танк пришли в негодность, не должны определять командир полка или дивизии, а прокуратура и суд, когда вопрос стоит о таких больших суммах к удержанию, обрекая людей на нищету и голод. И когда государство не может создать отвечающую духу времени армию, которая не может сама себя защитить от расхитителей имущества.

Второе развёртывание нашего артиллерийского полка, в котором я принимал участие (первое в 1978 году) проходило весной 1984 года. Сама подготовка к развёртыванию, развёртывание и его завершение в виде сдачи имущества на склады, расчёт людей, оформление документов и т.д. отнимало много сил и приходилось работать от зари до зари в течение одного года. А тут не успели ещё рассчитаться за имущество и хоть немного расслабиться после мартовского развёртывания, как пришлось готовиться к отмотилизованию уже всей нашей дивизии к январю 1985 года и опять участвовать в нём по полной программе. Когда всё наше соединение, сформированное из гражданских резервистов, и выросшая по численности с 366 человек до 9 тысяч в основном из числа лиц узбекской национальности, превратилась в некое подобие большого партизанского отряда. Когда в течение целого месяца по всей трассе от Самарканда до посёлка Суперфосфатный и до нашего полигона можно было наблюдать празднично шатающихся с небритыми физиономиями пьяных и полупьяных людей в длинных шинелях и в кирзовых сапогах. А также наши дивизионные грузовики в кюветах и выпивающих из горла возле них водителей. Почти все выданные на период развёртывания в качестве спальных принадлежностей поролоновые матрасы резервистами были сожжены в печках. Всё, что плохо лежало, тут же исчезало в неизвестность, вплоть до обмылков.

О денежных удержаниях. Например, в моём дивизионе пропал штык-нож, один аккумулятор и др. имущество, за которое мне пришлось

после развёртывания оплачивать их стоимость. И если государственная цена за штык-нож в то время была 5 рублей 40 коп, то с моего жалованья за него было удержано 54 рубля, т.е. в 10-кратном размере как за имущество артиллерийско-стрелкового вооружения. А за пропавший зилковский аккумулятор я заплатил около 100 рублей. При его цене 33 рубля. Т.е. в 3-кратном размере. Я потом узнал, что этот аккумулятор похитил наш полковой начальник автослужбы со своим прапорщиком, чтобы получить от меня за него выкуп.

После развёртывания оказалось, что почти все автомобильные аккумуляторы в дивизии были заменены на старые, все снятые с хранения МРС (мастерские ремонтные слесарные артвооружения) и машины МТО (мастерские технического обслуживания автомобилей) оказались разворованными. Вот так в результате хранения техники и развёртывания полка у меня и набралась общая недостача имущества где-то на 2,5 тысячи рублей (машина «Запорожец» в то время стоила 3000 рублей), которые мне пришлось выплатить все до копейки по 100 рублей в месяц. Несмотря даже на то, что при проведении расследования представил документы, а также штат мирного времени дивизии, наглядно свидетельствовавший, что к утерянному имуществу не могу иметь никакого отношения. За которое должен отвечать командир батареи хранения и обслуживания вкуче со всеми своими подчинёнными. К тому же всю эту технику я не принимал, актов не составлял, состою на службе по артиллерийской военно-учётной специальности. Поэтому никак не могу один отвечать за такое большое количество имущества дивизиона: 24 единицы автотехники и специальной техники, 18 миномётов М-160, ЗИПы, аккумуляторы и другое многочисленное имущество, не имея ни подчинённых, ни закрытых хранилищ. Когда всё это хранится в общей полковой куче и доступно любому солдату полка и даже дивизии. Тем не менее я готов был нести свою долю ответственности наравне с другими должностными лицами полка, но отнюдь не в трёхкратном размере за автомобильное и в десятикратном размере за имущество артвооружения. Когда нет признаков явного проматывания средств, вырученных за продажу пропавшей техники.

На самих развёртываниях полка и дивизии не прекращались с утра до вечера крик, мат. Доходило до того, что узбеки и таджики - приписники говорили мне, что с ними так разговаривать нельзя, что все они в большой обиде на наших офицеров. Они как мусульмане очень близко к сердцу принимают оскорбительные слова в свой адрес с упоминанием их матерей и аллаха. Когда к тому же с насмешкой относятся к их обычаю обрезания. И если б они не понимали, что русские используют мат для связки слов и психологической разрядки, то непременно бы так спокойно себя не вели с обидчиками и бойкотировали бы все наши мероприятия.

Надо сказать, что и гражданские русскоязычные люди, будь то в очередях, в автобусе или ещё где-нибудь в общественном месте позволяли себе пренебрежительное, надменное отношение к нацменам Средней Азии, да ещё

с утверждениями их неполноценности именно как представителя той или иной среднеазиатской национальности. Которое в основном молча проглатывалось теми, кому эта грубость или хамство адресовалось. А какая-нибудь блондинка-славянка с голубыми глазами, научившись от местных жителей из воздуха делать деньги и заменив в ресторане или в магазине узбечку или туркменку в должности официантки или продавщицы, так обсчитывала посетителей, что и присниться не могло всем, кто работал до неё.

Наш полк в январе 1985 года курировал начальник штаба ракетных войск и артиллерии округа полковник Огарков. О таких говорят «природа на нём отдохнула». Небольшого роста, с бычьей шеей, большим животом и тонкими, как спички, ногами, он походил на колобка из сказки. Не стеснявшийся в выражениях, с самыми отборными словами из ненормативной лексики и производивший впечатление вконец опиздевшего от штабной работы в штабе Округа. Из-за серьёзной болезни почек (вскоре после этого развёртывания Огарков умер так и не получив генерала) он лишь изредка навещал наш полк на полигоне с угрозами дать в морду, разжаловать, снять с должности, даже расстрелять и других мыслимых и немыслимых наказаний за тот или иной проступок офицеров и прапорщиков. Тем самым, не помогая нам в работе, а наоборот создавая нервозность и неразбериху. Когда весь приписанный к дивизии личный состав из числа гражданских лиц не обладал уже дисциплиной и организованностью. А наши дивизия и полк не в силах были обеспечить им ни нормальное питание, ни удобное жильё в палаточном городке.

При этом призванные на сборы офицеры, в основном, узбеки, ничем не отличались от солдат и лишь пассивно наблюдали за всем происходящим, не оказывая никакой помощи кадровым офицерам. По субботам и воскресеньям вся эта дикая орда самовольно разъезжалась по домам, и на полигоне почти не оставалось резервистов. Никакие угрозы не действовали на гражданских людей. Все наши заявления с предостережениями не засчитывались сборы и не выдать им на руки военные билеты на них не действовали.

Интересно было наблюдать всех этих партизан после сборов, обивавших пороги нашей дивизии, чтобы получить на руки военные билеты. Ибо согласно новому приказу №85, о котором я говорил выше. Когда они бездумно и легко подписывали все бумажки о передаче под их материальную ответственность какого-либо имущества на период развёртывания, и которое то ли сломалось, то ли пропало, то ли специально нашими офицерами и прапорщиками было похищено, чтобы получить мзду. И теперь им всем предъявили такие счета к оплате, о которых они и помыслить не могли. Долго многие из них ходили на поклон к офицерам, чтобы как можно скорее уладить ситуацию и получить свои военные билеты обратно с отметками о прохождении сборов. Ибо не могли без них продолжать работать на своих прежних местах и кормить свои многодетные семьи.

Конечно, в этом бардаке многие офицеры и прапорщики, как могли, погрели руки, узаконив расчёты деньгами из рук в руки за пропавшее имущество. А что там пропало, а что было спрятано, об этом знал только узкий круг военных. Если, допустим, в субботу и воскресенье какая-нибудь палатка пустеет, почему бы её не спрятать. И не спросить потом за её пропажу с командира роты или взвода, не обеспечившего нахождение своих людей на сборах, или самому не оставшемуся охранять эту палатку и жить в ней в выходные дни?

Для сравнения. Через два года я опять участвовал в развёртывании дивизии, 4-й, дислоцированной в Термезе. И понял, что при хорошей организации можно навести порядок на сборах даже во времена усиления национализма в республиках Средней Азии и всего предраспадного состояния нашей страны. В этом я видел, прежде всего, заслуги командира дивизии генерал-майора Лексюткина и командования 367 мотострелкового полка во главе с полковником Барабашом. Во всяком случае, при них никто из резервистов на выходные дни не покидал самовольно полигон, и вся организация сборов с питанием (в палатках-столовых) и жильём (в добротных без дыр палатках с достаточным количеством угля для топки) были на достойном звание человека уровне.

На самаркандском же полигоне во время приёма пищи на землю и на открытом воздухе ставился котёл с кашей на 10 человек, и резервисты ложками из него принимали прогорклую с запахом дыма перловку без хлеба и чая. И даже такое скверное питание было нерегулярным.

С такими скотскими условиями жизни и кормёжкой людей, касалось ли это партизан или призывников перед отправкой за границу, как в Самарканде, я нигде не встречал за всю свою службу в армии.

В солдатской столовой на территории нашей дивизии существовала вечная проблема с посудой и ложками. После каждого приёма пищи наши снабженцы недосчитывались большого количества посуды и даже котлов. Часть находили потом за столовой на земле. Но, несмотря на угрозы, алюминиевые ложки и миски катастрофически перекочёвывали с помощью наших солдат из столовой в соседние кишлаки.

Волевым решением командира 114-й мотострелковой дивизии полковника Колесника В.Д., несмотря на протесты прокурора (удивительно, что сначала какое-то время он был на моей стороне) после того, как я пытался попасть на приём к нему. Но Колесник не захотел меня принять и выслушать (БААЛШОЙ НАЧАЛНЫК, даром, что ли, у местных раисов на содержании), мне повесили сумму, как я уже писал, в общей сложности в 2500 рублей при моем ежемесячном доходе в 300 рублей.

Отказали в очередном отпуске, да ещё в самом конце года, когда моя 79-летняя мать внезапно тяжело заболела и перед смертью очень нуждалась в моей поддержке. Лишили 13-го денежного содержания именно тогда, когда я особенно нуждался в деньгах. Когда одни только вылеты в октябре-месяце в Москву на похороны туда и обратно обошлись мне в довольно приличную

сумму. К тому же по приказу Владимира Дмитриевича я был лишён и помощи со стороны сослуживцев по полку и дивизии, хотя сам по несколько раз в месяц отстёгивал от своего жалкого денежного содержания внушительные суммы на помощь своим товарищам в случаях болезни или кончины их родных.

Жаловаться было некому. Начисляли к удержанию и гораздо большие суммы денег с мизерных доходов офицеров. В армии с 1984 года стали «наводить порядок» самыми драконовскими бестолковыми методами. И не считаться с этим явлением было нельзя.

К тому же моё вынужденное обращение в прокуратуру не понравилось Колеснику (с какой стати я должен был отвечать по сверхполной программе за состояние одной только автотехники в количестве 24 единиц, которую не принимал и которая не числилась за мной по штату мирного времени) и когда в январе 1985 года на развёртывании дивизии от меня учуяли запах спиртного, тут же последовали оргвыводы с приказом о предании меня суду офицерской чести.

Если смотреть трезво на всю армейскую действительность, то невольно захочешь выпить. С таким же бездушием Колесник поступил и с командиром батальона майором Трошиным. Почувствовав от него на службе запах водки, он тут же приказал Братчуну забрать из штаба Округа представление на присвоение ему подполковника. Что и было незамедлительно выполнено.

Всё это характерно для нашей страны, когда наготове всегда стоят тупорылые исполнители чужой воли, чтобы выслужиться перед начальством и обеспечить себе карьерный рост:

с эшелонами вагонов – «телятников» под парами для отправки целых народов и семей раскулаченных в Казахстан, Сибирь, на Крайний Север или в другую несусветную глушь;
с плётками наготове загонять крестьян в нерентабельные колхозы и совхозы;
с динамитом взрывать памятники архитектуры и истории;
с пистолетами в руках беспощадно уничтожать врагов народа;
с лопатами сеять на арктическом севере страны кукурузу;
с топорами, готовые по первому приказу вырубать по всей стране виноградники после объявления правительством борьбы с пьянством и алкоголизмом. И т.д. Как говорится, «гвозди бы делать из этих людей – не было б в мире тупее гвоздей».

Таким же чинодралом оказался спесивый и вороватый Колесник, почувствовавший реальный шанс «стричь купончики» в стране приказных чудес, запугав своих подчинённых репрессиями, дабы предотвратить малейшие жалобы на его откровенное мазурничество. А потому тут же взявший под козырёк после приказа со штаба округа наводить порядок в дивизии самыми крутыми мерами.

Заработали чуть ли не каждый день суды офицерской чести. И, если вчера ещё такой радикализм в деле наведения порядка Москвой и Ташкентом осуждался, то теперь вся эта охота на нерадивых исходила из самого верха,

решившего, видимо, перед угрозой развала армии власть употребить, перестав кормить соловья баснями. Многие офицеры и прапорщики были привлечены к партийной, служебной и к уголовной ответственности большей частью из-за каких-нибудь пустяков:

лёгкого опьянения на службе; неприбытие на кроссовую подготовку в выходной день, пререкание с командирами; а также за пьянки и проступки подчинённых своих или чужих солдат, но напившихся в его дежурство, устроивших драку и т.д. Причём, все эти репрессивные меры воздействия применялись, конечно же, не огульно ко всем нарушителям дисциплины. А креативно – в первую очередь к тем, кто не желал участвовать в каких-либо авантюрах по превращению «щетины в золото», слишком много болтал на партсобраниях и служебных совещаниях, жаловался в вышестоящие инстанции на произвол в части или просто не представлял для Колесника никакой ценности. Армия сорвалась с катушек и стала жить по понятиям, а не по законам страны. Ибо все прокуратуры гарнизонов, как по команде, встали на защиту интересов не граждан страны, в данном случае офицеров, прапорщиков и членов их семей, а «боеготовности страны» в целом. Вытащив на свет божий ленинский лозунг, что «правосудие должно служить интересам государства». Не народу, а абстрактному понятию, которое состоит уже в первую очередь не из податливой пластилиновой массы безгласных простейших существ, слушающих с открытыми от восхищения ртами речи вождей, встречающих и провожающих их долгими и продолжительными аплодисментами. А излюдей рассуждающих и по многим вопросам высказывающих своё отрицательное отношение на окружающую совковую действительность. Основу этой массы составляли уже люди с довольно ощутимым скепсисом на пропаганду по результатам ухудшающегося с каждым днём бытия и своего явного нежелания долго служить вдали от родных мест ради кремлёвских маразматических старцев. Или ехать служить к чёрту на кулички «лишь бы существовала на них партия». А многим и не понятно было, чего ради они должны проливать кровь и рисковать своими жизнями и здоровьем в Афганистане. Тезис о том, что родиной каждого военнослужащего является Советский Союз, не выдерживал уже никакой критики. Люди, наконец, научились отделять зёрна от плевел и делать самостоятельные выводы к большому недовольству политработников, которых в армии иронично стали называть «политрабочими», ибо чтение газет для них превратилось из отдыха в титаническую повседневную работу, в которой стало возникать больше вопросов, чем ответов.

Ярким примером формализма и солдафонства со стороны комдива Колесника я считаю случаи с майорами Скрынником Володей, которого Владимир Дмитриевич, разжаловав по представлению до капитана, довёл до самоубийства (повесился у себя дома). И майором Финчуриным Вадимом. Он в вместе с прапорщиком – завскладом продал списанную на складе коробку с малокалиберными, не состоящими на вооружении ни в нашей

дивизии, ни тем более во всей армии, бракованными патронами для спортивной винтовки (половина их вообще давала осечку) в охотничий магазин всего за 60 рублей. Видимо, уж очень им обоим в тот день хотелось выпить. Продажа раскрылась, командир дивизии пошёл на принцип, обоих осудили судом военного трибунала с отсидкой в лагере общего режима в городе Каттакургане сроком на 5 лет каждого с лишением воинских званий. Майору Финчуру до пенсии оставалось всего 2 месяца службы. Ещё находясь под следствием, Вадим с помощью своего адвоката обратился со слёзным письмом к Колеснику с просьбой взять его на поруки и дать дослужить два месяца после почти 25-летней безупречной службы. Колесник, имея на то все полномочия, отказал в просьбе и, мало того, зачитал это письмо всем офицерам и прапорщикам дивизии на одном из совещаний. Пообещав зачитывать его нам при каждом удобном случае в воспитательных целях.

Ничего более циничного и бездушного я никогда не встречал за всю свою службу в армии! Солдаты воровали и на гораздо большие суммы денег, в том числе из числа предметов артвооружения с боевыми патронами, и все эти кражи им сходили с рук. А тут – такая жестокость в отношении толкового и грамотного майора с безупречной репутацией, а также ни в чём не повинных членов его семьи!

Через несколько лет в отпуске я встретил Вадима. Он досрочно освобожден из колонии, с женой развёлся, дочь его вышла замуж за узбека-директора магазина, и сам он производил впечатление сломленного и потерявшего интерес к жизни человека. У которого не сложилась судьба всего лишь из-за каких-то 60 рублей и твердолобного бая, будущего военкоматовского генерала (все военкоматовские должности в скором времени упразднят за ненадобностью), ныне персонального пенсионера всеукраинского значения и почётного гражданина города Днепропетровска. Не нюхавшего никогда пороха, и не пожелавшего сохранить свободу, честь офицера и благополучие семьи своего подчинённого, который часто исполнял обязанности помощника начальника штаба дивизии по строевой в случае отпуска или болезни штатного помощника. Ибо, кроме Вадима, некого было назначить на эту объёмную работу.

В 2014-ом году Вадим умер.

Возможно, в этих репрессиях был всё же какой-то толк и положение дел у нас в вопросах дисциплины резко улучшилось? Конечно же, нет, ибо вся эта вытащенная на свет побитая молью жуковщина лишь повышала общее количество чрезвычайных происшествий по всем вооружённым силам. А также в нашей небольшой части, в военное время развёртываемой до воинского соединения, численностью в 11 000 человек, ибо главные их виновники почему-то оказывались вне действия законов страны. Не будут же судить каждого лейтенанта, не желающего служить в армии и положившего на всё свой член вместе с налагаемыми на него взысканиями, а посему изыскивающего каждый день способы что-нибудь вынести из части, продать

за бесценок, опохмелиться и привести свои мысли в порядок. Рядового или сержанта за групповую или одиночную кражу узлов навесного оборудования автомобилей, находящихся на длительном хранении на складах и на открытых и закрытых стоянках. А также штык-ножей от автоматов, рожков с патронами к ним, а то и полностью цинковых упаковок, гранат, сигнальных ракет, тротиловых шашек для продажи всем желающим, в том числе и в гарнизонах 40 армии на сопредельной территории воюющим против них афганцам.

Или за попытку продать в ближайшем кишлаке или рынке уют из бытовой комнаты, пары сапог сослуживца, электрической лампочки или другой нужной в любом хозяйстве вещи, чтобы на вырученные деньги купить в соседнем кишлаке бутылку самодельного дешёвого вина, пачку сигарет или кулёк конфет. При этом все воров были известны, ибо неоднократно попадались с поличным, в том числе и при групповой краже, о чём незамедлительно докладывалось устно или письменным рапортом Колеснику. Речь же ведь шла не только о простой краже, но и о подрыве боевой готовности. И, если на войне ещё можно было как-то обойтись без солдатских шапок, шинелей, тёплого белья – благо в Туркестане даже в январе днём часто температура воздуха поднималась до 25 градусов тепла. И при ночных учениях и манёврах можно было обойтись, накинув на голову и плечи солдатское одеяло, мешковину от картошки, чехол от пушки или миномёта, то машины не выйдут по боевой тревоге без украденных аккумуляторов, трамблёров, стартеров, реле-распределителей и т.д. В ответ на такие рапорты – тишина от Колесника и солдатский смешок рядом, что «ничего ты, майор или подполковник, со мной не сделаешь, всех нас не пересажаешь, поэтому я, как воровал, так и буду воровать до самого своего дембеля, а ты будешь безропотно платить. Ибо ты здесь добровольно паришься ради звёздочек на погоны и пенсии, а я подневольно корячусь задарма на этой грёбаной службе. К тому же меня ещё и в первую очередь уволят на гражданку, чтоб как можно меньше успел своровать на службе. А это дорогого стоит!»

В такой ситуации есть хорошее правило для любого командира и начальника, болеющего душой за состояние дел в своей части или соединения: «Если не знаешь, как поступить, поступи по Закону». Любая кража есть кража и за неё советским военным законодательством была предусмотрена либо административная, либо уголовная ответственность.

Зачем тогда прятать голову в песок и делать вид, что ничего не происходит? Боишься прослыть у своего начальства плохим воспитателем подчинённых солдат и младших командиров – зато твой авторитет вырастет среди личного состава, если будешь принимать решение в соответствии с содеянными преступлениями. К тому же чего бояться, если всегда можно доказать свою правоту перед вышестоящим начальством? Прокуратура завалена делами и не будет заниматься мелочёвкой? – врут эти крючкотворы, чтоб вообще ничего не делать. А если это действительно так, добейся уголовного

расследования хотя бы за групповые кражи, а за отдельные эпизоды воровства наказывай своей властью. Сажая этих отвёрточников и несунув на хлеб и воду до 15 суток в вырытую ими же яму, если на гарнизонной гауптвахте постоянно нет свободных мест, – у нас перед Законом все равны и неприкасаемых нет. Не бойся ответственности, ибо надо кардинально менять ситуацию. Иначе скоро вся техника длительного хранения и «НЗ» дивизии не выйдет по боевой тревоге, кормить и одевать солдат будет нечем.

Хоть немного поменьше сам воруй выделяемые деньги округом на возведение боксов для машин и орудий, и комплектующего оборудования к ним. Ведь, несмотря на огромные штрафы, налагаемые на офицеров и прапорщиков, запчасти не падают с неба, не приходят на ногах из магазинов и складов, и разукомплектованные машины по щучьему велению не восстанавливаются. Удерживаемые деньги исчезают сам знаешь, в каких у тебя карманах. Причём, за отсутствие навесного оборудования с офицеров удерживают деньги с каждой выявленной их недостаточей да так, что невозможно никому доказать, что он уже уплатил за них.

И если бояться ответственности перед округом за рост преступности в дивизии, то скоро все планы мобилизационного развёртывания можно будет зачеркнуть и сжечь за ненужностью. Будь принципиальным в этом вопросе, покажи, что ты командир дивизии, а не ЖОПА, высидившая золотые погоны и периодически озвучивающая трусливые приказы.

В результате такого командования некоторые офицеры нашего соединения таким бардаком даже пользовались, подговаривая своих солдат на воровство деталей машин из других подразделений для восстановления прикреплённой к ним автотехники и другого имущества. Обещая отпуск с выездом на родину или увольнение в город. Многие из этих мазуриков попадались на откручивании какой-нибудь детали на чужой машине, по-детски лепетали что-то несвязное и сдавали тут же своих заказчиков. Но никакого расследования не назначалось - с солдата и взятки гладки, а доказать заказной характер воровства очень сложно, чтобы хотя бы набить морду заказчику, поэтому мелкие кражи процветали. Бесправие с бестолковщиной росло и надо было смиренно привыкать к нему, как к дождливой погоде или снегопаду, ибо дивизионное начальство не желало светиться перед округом, отдавая предпочтение келейно-показательным разборкам в своей офицерской среде при своеобразной анархии вооружённой солдатской толпы, всё больше и больше выходящей из повиновения. Действительно, так можно вообще остаться без армии, если всех от рядового до маршалов сажать в тюрьму за воровство. И всё из-за какого-то дефицита в стране на все товары первой и не первой необходимости, и тем более на алкоголь и табак. Поэтому, чтобы доложить о принятых мерах наказывали первых попавшихся под горячую руку стрелочников за всё, что пропало с числящегося и не числящегося за ними по штату военного и мирного времени имущества, даже если они это имущество не принимали и не обладали средствами для его хранения. Причём, повторяю, отвечать нужно

было в десятикратном рублёвом размере за пропажу предметов артвооружения и в 3-хкратном - автомобильного имущества.

Всё это происходило также из-за незаинтересованности солдат и младших командиров, получавших от государства копейки за свой тяжёлый армейский труд, хоть что-то делать на службе. Да ещё у чёрта на куличках под знойным солнцем бескрайних просторов Средней Азии!

А пойманных за руку преступников невозможно было не только упрятать по суду за решётку, но даже посадить на гарнизонную гауптвахту хоть на несколько дней из-за нежелания Колесника выносить сор из избы. А все те его приказы, зачитывавшиеся перед строем личного состава с последующей якобы отправкой их копий в военкоматы по месту призыва солдат-воров о взыскании с их родителей денежных сумм в доход государства за пропитые материальные ценности, рассчитаны были на чебурахнувшихся буратин. Многие прекрасно понимали, что это пустое сотрясение воздуха, ибо ни одна гражданская бухгалтерия не возьмёт на себя исполнение этой филькиной грамоты без решения суда и службы судебных приставов. Когда такое беззаконие возможно было только в Советской Армии с её службой по понятиям, а не по законам, которые вроде бы «святы, да законники лихие супостаты», потому что написаны для самых бесправных в мире военных. Лишь когда речь заходила о краже пистолета, автомата или пулемёта возбуждали уголовные дела и сразу находились свободные камеры на гауптвахте. Ибо существовала реальная угроза того, что украденный ствол где-нибудь завтра выстрелит, и по его номеру узнают, из какой части он был похищен. А посему утайка такой кражи будет восприниматься вышестоящим начальством как сокрытие преступления со всеми вытекающими последствиями для должностных лиц, не принявших своевременных мер к розыску пропавшего оружия и тем более не доложившего о чрезвычайном происшествии в округ.

Поэтому всё, от простой ложки и солдатской гимнастёрки до полевой радиостанции, биноклей, приборов ночного видения, навесного оборудования автомобилей и т.д. Всё, что можно было вынести из части на руках, в вещмешках или вывезти на машине, по железной дороге и в транспортной авиации, успешно и безнаказанно сбывалось за пределами гарнизонов военнослужащими всех категорий. В результате чего не только машины не могли выйти из частей по боевой тревоге, но и подводные лодки, крейсера и эсминцы в море из-за кражи на них цветного металла. Ракеты и самолёты взрывались на земле и в воздухе из-за хищений установленных на них приборов и драгоценных металлов.

А уж как воспитывали в то время солдат ещё более подневольные, чем они офицеры и прапорщики, вынужденные расплачиваться деньгами из своего скудного семейного бюджета за поголовное воровство и разгильдяйство срочников, написаны горы литературы, показаны сотни кинофильмов и всевозможных роликов. Из-за чего в середине 80-х годов в спешном порядке по всем гарнизонам пришлось создавать комитеты

солдатских матерей, комнаты посетителей для свиданий солдат с родными, допускать прессу в казармы и т.д. И всё это в целях борьбы с мордобитием, дедовщиной и другими негативными явлениями. Ибо увечья и убийства солдат и сержантов, в наглую отказывавшихся даже изображать службу или работу, приобрели в армии угрожающий характер.

Многие солдаты уже и полковника могли послать на три буквы, хорошо усвоив, что все они делятся на три категории: эй, полковник, просто полковник и товарищ полковник. И если ещё лет 10 -15 тому назад солдаты-азиаты считались в армии исполнительными и дисциплинированными воинами по сравнению с солдатами-славянами, то к 80-ым годам и те, и другие уже настолько обнаглели, что подчас демонстративно и вызывающе отказывались выполнять приказы и распоряжения своих командиров. А то и ударялись в бега.

Поэтому чтобы показать свою работу и отчитаться перед окружными генералами о мерах по повышению боеготовности частей и соединений, надо было любому карьеристу типа Колесника как можно больше наворовать денег для подкупа вышестоящего начальства. Чтобы уйти поскорее из этой низовой армейско-воровской малины в более крупную, а значит с большими гарантиями для освобождения от уголовной ответственности. Вместо того, чтобы хоть как-то навести в своём хозяйстве порядок. А для этого уволить как можно больше офицеров и прапорщиков из армии через суды чести для реализации спущенной сверху директивы по вопросу «омоложения офицерского состава». Кого-то разжаловать в звании, отправить с понижением в другие гарнизоны с огромными штрафами. Тем самым нагнать как можно больше страха на всех подчинённых и по их спинам подняться по служебной лестнице наверх, свалив на этих «дрессированных обезьян» все армейские беды, вызванные непрофессионализмом самой дешёвой по государственным затратам на каждого военнослужащего в мире армии, их подневольной и бесправной сущностью. И юридически нерегламентированной ответственностью за участки работ каждого, согласно офицерской военно-учётной специальности, штату мирного времени и уставам. Тем самым открестившись от всех бед рабоче-крестьянских человек с ружьями, до сих пор массово не разбегающихся в разные стороны лишь из-за того, что многим просто некуда и незачем бежать раньше времени.

А на места уволенных, пониженных в должности, осуждённых по приговорам всевозможных судов, посадить таких же лодырей, пьяниц и разгильдяев, что и их предшественники. Но уже на примере других более лояльных к своим начальникам и командирам и уже более искушённых в вопросах ухода от административной и уголовной ответственности за различные правонарушения.

С приходом в нашу крохотную дивизию Колесника, в которой всё на виду и ничего не скроешь, расцвела буйным цветом отправка солдат, как из числа постоянного, так и временно прикомандированного состава на

гражданские заводы, фабрики и колхозы. Целыми колоннами везли из дивизии на различные гражданские объекты стройматериалы, автомобильное топливо и другое имущество, предназначенное для строительства крытых хранилищ техники, полигона и складов – дивизии-то всего чуть больше 10 лет со дня основания и вся техника хранилась на открытых площадках. А заработанные сотни тысяч рублей уходили неизвестно куда и для каких целей, минуя финансовую часть и никак не влияя на обустройство военного городка и быта солдат. Что видно было и невооружённым глазом - у солдат не было даже в должном объёме портянок для сапогов, носков для ботинок, простыней, полотенец и другого необходимого в армейском быту имущества. Зато достигли своего апогея тёмные дела по превращению мёртвых душ бумажного соединения в реальных персонажей суровых армейских будней. Потому что вся наша дивизия на 97% состоявшая из прикрепленных к ней военнообязанных по военкоматовским спискам, призывалась лишь на случай развёртывания. И у Колесника существовало много способов для разного рода подтасовок и манипуляций. Ибо ежегодно один полк и отдельное подразделение дивизии в учебных целях развёртывались на один месяц, а тут ещё счастье привалило и с плановым, один раз в пять лет, развёртыванием всего соединения в январе 1985 года. И под этим предлогом можно было вычеркнуть из списков учёта большое количество имущества, продав его затем местным золотозубым и золотогрудым тубетеичникам. А то, что, действительно ломалось, пропадало и приходило в негодность – списать по новому восемьдесят пятому приказу, предварительно удержав деньги за это имущество в многократном размере со своих же подчинённых. Имелись также возможности у Владимира Дмитриевича и для махинаций с выделяемыми по линиям КЭЧ и Военторга квартирами, легковыми автомобилями, коврами, другими дефицитными промтоварами, продуктами питания. Когда всем действительно нуждающимся очередникам в условиях острого дефицита доставались лишь жалкие крохи. Поэтому можно представить, какие фокусы с мёртвыми душами и материальными ценностями он вытворял в Ашхабаде, став военкомом района, получив до этого в Самарканде большой опыт в шахер-махерных делах! Нашёл же кто-то ему эту синектуру, запустив козла в огород! Что может быть лучше для обогащения и спокойствия души каждого рыцаря наживы, чем военкоматовская малина? Тем более в Средней Азии, где при помощи блата и по сути узаконенных взяток решались все вопросы кадровой политики при назначении на самые ленивые и денежные в армии офицерские должности, призыва и не призыва молодёжи, медицинских освидетельствований, наград, освобождения от плановых сборов военнообязанных и т.д.!

Сколько в армии середины 80-х годов было поломано судеб! В том числе и в нашей дивизии со штатной численностью всего в 366 человек, эквивалентной двум мотострелковым ротам, за что получила прозвище «бумажной»! И это всего за несколько месяцев командования Колесником

горсткой людей! Сколько добросовестных и честных офицеров и прапорщиков проклинали, и, я уверен, проклинает до сих пор этого местечкового хапугу, который при маниакальном желании выслужиться и как можно скорее нацепить на себя генеральские погоны живых людей в упор не желал видеть! Сколько офицерских жён с дочерьми, оказавшихся в разводе, были брошены на съедение местным баям и ханам! Сколько офицерских детей оказалось в детских домах на чужбине! Ибо что казалось обычным и дозволенным вдруг в одночасье превратилось в уголовно наказуемое и служебно-партийное.

Тем самым умышленно или нет в свете нынешних событий на Украине показав всем военнослужащим дивизии во всей своей красе волчий оскал украинского национализма с перспективой оправдаться перед будущими гетманами, кошевыми атаманами Незалежной за свою службу в Советской Армии, в которой украинцы составляли чуть ли не половину всего её высшего командного состава. Как и в руководстве страны. Ведь можно даже, живя в Москве на Рублёвке, быть гордым от сознания того, что твоя родина или историческая Батькивщина наконец-то обрела независимость от этой Сусальнозолотой Орды под названием Советский Союз и наконец-то сама стала хозяйкой своей судьбы. Благодаря чему, обманув русских дураков, удалось воспользоваться благоприятным моментом и развалить эту безбашенную вооружённую толпу путём разворовывания её денежных средств и беспричинной поголовной порки всех «москалей и коммуняк» «за упущения по службе». Дабы, перессорив всех между собой, заставить объединяться уже не по марксистско-ленинским канонам, а по национальному признаку из-за чувства обиды за свои высеченные задницы. Вспомнив, наконец, и о своих униженных и угнетённых 14 республиках. Когда на примере нашего соединения от таких революционных преобразований вся наша крохотная многонациональная дивизия наравне с другими соединениями и отдельными частями армии погрязла в служебных разборках и доносах, превратившись в клубок шипящих змей. Что не исчезло и с приходом в неё генерал-майора Касымова, сменившего Колесника, ушедшего на генеральскую должность начальника Советского районного военкомата города Ашхабада Туркменской ССР. Показав тем самым, что встречались ещё командиры, болящие душой за честь своего полка или дивизии, взяв под защиту своих подчинённых со всеми их недостатками, пороками и достоинствами, во всей полноте самым положительным образом проявившиеся в боях с душманами в Афганистане и в других горячих точках. И в целом такие здравомыслящие командиры встречались, выглядя на фоне всеармейского тарарама и призыва к репрессиям, довольно-таки импозантно. Ибо они понимали, что, по словам Жванецкого, «надо бороться не с плесенью, а с сыростью», тем более на фоне усиливавшегося хаоса в стране и армии, метания генералитета из одной крайности в другую, его отрыва от низового армейского звена и неспособности оперативно и грамотно решать насущные вопросы. Из-за чего

всё меньше и меньше простых офицеров стали уделять внимания повышению своего боевого мастерства и объективному анализу состояния дел дисциплины в частях и подразделениях. А кто-то и просто спивался из-за бессилия навести порядок в вверенных им подразделениях, улучшить положение в них дел, наладить свой жалкий быт через обращения к своим отцам-командирам за помощью, когда многие из них начхать хотели на бытовые и служебные проблемы своих подчинённых.

Весы качнулись в сторону очередной кампанейщины, и теперь каждый командир полка и дивизии должен был периодически докладывать наверх, сколько офицеров и прапорщиков привлечено к ответственности за различные административные и уголовные проступки и преступления, сколько ещё ожидают своей участи. О преступлениях солдат и сержантов следовало не тревожить начальство по причине их поголовной массовости и симпатий на стороне средств массовой информации в случае каких-либо жалоб их родителей. Которым в отличие от офицеров и прапорщиков нечего было терять, чтобы добиться проверки со стороны административных органов и выявить скотское содержание срочников в казармах, нарушения в распорядках дня, их примитивный быт и нездоровое питание, дедовщину, что было чревато для карьеры любого командира уровня от полкового звена и выше. Поэтому никто из них не заинтересован был выносить сор из избы, освободив почти полностью солдат и сержантов от уголовной и административной ответственности за мелкие, но всё-таки подпадающие под статьи УК уголовные преступления.

Чего не скажешь про зависимых от начальства, а потому безропотных в основном старших офицеров, ибо Советская Армия в связи с «новым мышлением», «перестройкой», «антиалкогольной компанией» и наметившимися дружескими отношениями со своими бывшими заклятыми врагами в Холодной войне по НАТО во главе с США к середине 80-х годов перестала расти количественно. И можно было задуматься о качестве, ибо военные училища и академии продолжали выпускать специалистов на прекратившую свой количественный рост силовую структуру, что привело впервые после хрущёвского сокращения Вооружённых Сил в конце 50-х – начале 60-х годов к офицерской безработице.

А посему к чёрту все эти разговоры о доверии к человеку и уважении его прав. Цель всегда и везде оправдывает средства, а посему, если рыба гниёт с головы, то и начинать перестройку надо с этой головы. В стране с преимущественно азиатским населением народ всегда уважал и продолжает уважать только силу, а не уговоры и просьбы. Народ любит, когда чиновников наказывают.

Забывая при этом, что любая армия – это скол общества и никогда в ней не будет порядка, если в самой стране царят бедлам и уныние. А все эти репрессивные кавалерийские наскоки на армию без продуманного до мелочей плана только вредят общему делу. Результат – всё вышло, как у поэта Игоря Губермана:

Есть одна загадочная тема,
 К нашим относящаяся душам:
 Чем безумней дряхлая система,
 Тем опасней враз её разрушить.

Лучше не скажешь, ибо сбылось давнее пророчество поэта – армия через несколько лет «законов тайги, где прокурор медведь, судья заяц, а адвокат пень, на котором сидит подсудимый», после очередной пертурбации развалилась окончательно и потеряла свою боеготовность. Что наглядно проявилось в расчленении её по национальным окраинам с молчаливого согласия всех военнослужащих с развалом Советского Союза. А также показало слабость нашей страны в чеченских войнах на Северном Кавказе в середине 90-х годов. Когда маленькая Чечня в результате боевых действий одержала верх над огромной безалаберной Россией, обложив её контрибуцией, позволяющей стране-победительнице сохранять авторитарный режим с её коррупционной составляющей, возводить небоскрёбы, мечети и дворцы с восточным размахом.

А ведь Германия только благодаря тому, что ей удалось сохранить свою армию после разгрома в Первой мировой войне 1914-18 гг, отстояла целостность своего государства. Несмотря на многочисленные попытки Кремля с помощью Коминтерна и немецких коммунистов во главе с Тельманом расчленить её по национальным землям и этническим провинциям. То же самое можно сказать и про другие страны, сохранившие свои границы благодаря армии.

В общем, в июне 1985 года я с понижением на одну ступень в должности, выплатив в общей сложности 2,5 тысячи рублей в карман Колеснику, выехал в Термезский гарнизон. В этот Богом забытый южный тупик на обочине жизни.

Но, как говорят, «везёт дуракам и пьяницам». Во-первых, по денежному содержанию я только выиграл.

Во-вторых, благодаря 3-годичной службе в Термезе, я набрал к своей общей выслуге лет полтора лишних года. А это дополнительные бонусы для пенсии. А 2-месячная командировка из Термеза в Афганистан в 1986 году сделала меня воином-интернационалистом и участником боевых действий с ещё одной довольно весомой денежной надбавкой на гражданке. Так что, от того понижения я только выиграл. И после службы в Термезе, последних двух лет в Вологде, после 27 лет армейской неволи в возрасте полных 45 лет обрёл наконец покой на гражданке в любимой и родной Москве. Да ещё с января 1996 по май 2002 гг возглавляя отдел охраны, режима и музейных смотрителей Музея Кремля. В окружении родных и близких, которые своими письмами и добрыми словами поддерживали меня на протяжении всей моей долгой службы. А также в окружении родившихся уже в столице внуков и даже одной правнучки.

Подтвердив тем самым свою земную удачу словами из Евангелия от Матфея: «Претерпевший до конца - спасётся!».

А используя связи, помог с переводом семье дочери жены, Наташи с её детьми, муж которой в звании майора проходил службу в туркменской Кушке. Помог им и в получении жилья в городе Реутов Ближнего Подмосковья. И кто знает, по какому сценарию пошла бы моя жизнь, если б не этот крутой поворот в моей судьбе по воле Колесника, которому я был бы до конца своих дней бесконечно благодарен, если б не трагические судьбы многих офицеров и прапорщиков по его злой воле.

И весь этот счастливый для меня хеппи энд случился также благодаря дружеской поддержке таких офицеров, как начальник артиллерии дивизии полковник Брыжакин, проголосовавший на партийной комиссии за то, чтобы мне не утвердили решение партийного собрания полка о занесении в учётную карточку «строгого выговора». Ограничившись лишь «выговором без занесения...», к чему присоединились начальник штаба полка подполковник Кузьмин и прапорщик кореец Володя Лим. За что я им всем благодарен, ибо их голоса оказались решающими при обсуждении моего персонального дела на партийной комиссии дивизии. Они с угрозой наказания заступились за меня, и Колесник на одном из совещаний грозил им служебными карами за проявленный либерализм в отношении меня. Когда он всем офицерам дивизии приказал, тыкая пальцем в меня – ату его. А тут – такое своеволие!

А что было в то время важнее чистой учётной карточки члена КПСС? Тем более, когда приезжаешь в новую часть с понижением в должности.

Спасибо и тем, кто мощью своего авторитета в дивизии пытались причинить мне как можно больше вреда, и благодаря усилиям которых я только набрал дополнительные очки в свою пользу, о чём говорил выше. Этот тот случай, когда и от недругов есть довольно ощутимая польза.

Поэтому к своим врагам, к коим я отношу:

полковника (теперь генерал-майора) Колесника В.Д.,
 полковника Бубнова,
 подполковника (теперь полковника) Галустяна З.А.,
 подполковника Гончаренко,
 начальника разведки дивизии подполковника Воронцова,
 секретаря парткомиссии дивизии подполковника Щербинина,
 начальника ПО дивизии подполковника Бутько,
 подполковника Зайцева В.,
 майора Танищева,
 майора Комарова Игоря,
 майора Цацкиса,
 капитана Кузнецова

К этим товарищам я питаю только нежные чувства с благодарностью за то, что не позволили мне расслабиться и окончательно потерять бдительность. И тем самым помогли достичь того ощутимого по

российским меркам положения и веса в обществе, которого без их усилий мне вряд ли удалось бы добиться. Как говорится, «благодарите судьбу и прощайте своих врагов, не забывая их имена». Потому что своим принципиальным отношением ко мне и выступлениями на партсобраниях, на совещаниях, на суде чести и на заседаниях партийной комиссии они только способствовали укреплению моего характера. Усилив желание во что бы то ни стало назло всем этим подпевалам и лизоблюдам закончить службу с положенными после неё благами и льготами, до которых в армии, чем ближе к цели, тем больше шансов сорваться вниз. А без гражданской специальности, высшего образования, без пенсии и льгот на лечение больного организма после долгой службы это падение было бы равносильно катастрофе. Чем немилосердно пользовались командиры частей и соединений, превратив всех старших офицеров в безропотных мальчиков для битья. Ведь им в отличие от младших офицеров после пинка под зад гораздо тяжелее приземляться на четвереньки и начинать жизнь с нуля, чтобы добиться ощутимых результатов на каком-нибудь совершенно новом для них гражданском поприще.

Поэтому, говоря словами Маяковского (во всяком случае, ему эти слова приписывают) применительно к офицерской службе:

Нервы свои бери в узду
и не ахай.

Есть двадцать пять —
посылай всех в п...

Нет —
иди сам на х...

Итак, пришёл, наконец, приказ о моём назначении в Термез на должность начальника штаба артиллерийского дивизиона, которому я очень обрадовался. Ибо служить в обстановке враждебного отношения командования дивизии и завистников не имело смысла. Надо было во что бы то ни стало дослуживать оставшиеся 5 лет. И по возможности, как можно меньше допускать проколов по службе и в личной дисциплине, помня слова знаменитого русского писателя Достоевского: «Если ты идёшь к цели и попутно бросаешь камни в лающих на тебя собак, то ты можешь не дойти до цели». А для этого пришлось завязать с выпивкой на оставшиеся годы службы и не конфликтовать ни с кем из начальства.

Конечно, жаль было уезжать из Самарканда, службе в котором отдал 10 лет жизни. От семьи, своих друзей по дивизии и городку, вспоминая добрым словом: Кавецких, Виктора, Анфису и их дочь Алису, с которыми мы подружились семьями и проводили все праздники и дни рождения

вместе. Все они в настоящее время живут в Иваново, и мы иногда с Анфисой переговариваемся по телефону и скайпу.

Минаевых, Сашу, Нину и дочь Свету, с которыми несколько лет жили в одной квартире на Центральной, ба. Жили дружно и мирно. Да так, что начальник политотдела полковник Федотов ставил нас всем семьям в пример.

Адика Ознобина, жившего с женой, сыном и дочкой в военном городке. С которым мы иногда прилично поддавали, и в 1977 году находились в командировке в Андижане в качестве специалистов артиллерии на развёртывании обкомовского полка.

Давыдовыми, Сергеем, Галиной и их дочерью Лёлей. Которые в настоящее время живут в Москве. Сергей, служивший в бригаде связи, стал полковником МЧС. Мы иногда встречаемся и перезваниваемся по телефону. Бороховых, Раю, Сою и их брата Ашера (Рая и Соня работали вместе с моей женой на Лифтостроительном заводе). Живущих в настоящее время в Израиле, и которые иногда дают о себе знать тоже по телефону или по Интернету. А также:

Головиных,

Тюриных,

Полонских,

Пилипенко (соседи по дому),

Закировых (соседи по дому),

Скоробогатовых,

Кобзевых,

Сысоевых,

Кобелевых,

Рахметовых,

Бута Фёдора Григорьевича.

Сослуживцев Веры по работе:

Шавката Тухватуллина,

Энвера,

Усеина Хайбуллаева,

Уктама,

Халикову Зину.

И многих других, с которыми переживал трудности службы, и которые помогали нам с Верой словом и делом в трудные периоды жизни.

Преподавателей СВВАКУ: полковника Дунаева (он был у меня командиром полка в Казанджике),

подполковника Станчева (с ним я служил в Ашхабаде, где он в 55-ом армейском полку занимал должность замполита полка), подполковника Юру Махова (наши дочери дружили, мы с ним иногда поддавали в «стекляшке» и однажды он как политработник-преподаватель СВВАКУ написал обо мне хвалебные несколько строчек в газете «Фрунзевец»).

Майора Уколова Ивана Васильевича (начальника службы РАВ СВВАКУ),

Капитана Борисова (мы с ним служили в Ашхабаде в 55 арт. полку, где он занимал должность начальника физической подготовки и спорта). В СВВАКУ он занимал ту же самую должность. И других.

Уезжал из узбекского города, в который приехал в 1975 году капитаном, а уезжал в 1985-ом подполковником. В 1978 году у меня в Самарканде родился сын Янис и уже много лет спустя мы с Верой дождались от него и его жены Нади внуков Алису и Алёшу.

Дочь жены Наташа вышла замуж за выпускника СВВАКУ Василия Босого (в настоящем времени майора запаса) и у них вскоре родились внучка Женя и внук Стёпа. А недавно и Женя стала матерью, родив нам с Верой правнучку Вику и правнука Пашу.

В 1978 году я в Самарканде вступил в партию, что помогло мне в дальнейшей службе

Приобрёл служебный и жизненный опыт, а это дорогого стоит.

Самаркандская 114-я мотострелковая дивизия просуществовала до 1988 года, поэтому многие её офицеры попали под сокращение с увольнением в запас. А это значит, что мой ангел-хранитель, возможно, спас меня от преждевременного увольнения «по сокращению штата», грозившего превращением всей моей армейской выслуги лет в простую гражданскую с минимальной пенсией, чтоб не умер с голоду. А это значит, выражаясь словами Уинстона Черчилля, «я извлёк из выпивки больше, чем выпивка из меня».

Приехав после увольнения в запас в Москву и после получения в ней квартиры, я в январе 1991 года вылетел в Самарканд за семьёй, когда этой войсковой части уже не было. На её территории находились несколько баз хранения. Затем корпус уже Узбекской армии.

Так ушла в Лету одна из дивизий ТуркВО, которая на протяжении всего своего существования с 1971 по 1988 годы внесла немалый вклад в повышение боевой готовности Округа и 40-й армии в Афганистане. Один только сформированный на её базе артиллерийский полк БМ для воюющей армии чего стоит!

И хоть в середине 80-х годов 114-я мотострелковая дивизия превратилась в интернациональный змеёвник, пусть хоть кто-нибудь из бывших её служивых иногда помянет добрым словом это почившее в бозе беззнамённое соединение. Исчезнувшее не на поле брани, а на поле развала страны и дележа военной собственности между республиками бывшего Советского Союза! Пусть история ей будет пухом! А нам сохранит на долгие годы возможность наяву и через виртуальное пространство Интернета общаться друг с другом, вспоминая прожитые годы со всеми их радостями и печальями, поддерживая друг друга добрыми словами и пожеланиями, нисколько не сожалея о прошлых ошибках. Ведь всё, что не убивает, делает нас только сильнее.

СПИСОК ОФИЦЕРОВ И ПРАПОРЩИКОВ 114 МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

КОМАНДИРЫ 114-Й МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Полковник Ильин
Полковник Дегилевич Виктор Иосифович
Полковник Давыдов
Полковник Красичинский
Полковник Колесник
Генерал-майор Касымов

НАЧАЛЬНИКИ ШТАБА 114 МСД

Полковник Туровский Владимир Соломонович
Полковник Лисеенко Станислав Корнеевич
Полковник Фролов

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА 114 МСД ПО ВООРУЖЕНИЮ

Полковник Роменский
Полковник Ставицкий
Полковник Неуймин Евгений

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА 114 МСД ПО ТЫЛУ

Полковник Крикус
Полковник Караканов Вилен

ЗАМЕСТИТЕЛИ КОМАНДИРА 114 МСД ПО ПОЛИТЧАСТИ

Полковник Федотов
Полковник Бутько

НАЧАЛЬНИКИ РВиА 114 МСД

Полковник Запаловский Эдуард Тадеушевич
Полковник Брыжакин Николай Иванович

НАЧАЛЬНИКИ ПВО 114 МСД

Полковник Бубнов
Полковник Саблюченко

КОМАНДИРЫ ПОЛКОВ 114 МСД

Полковник Дюкарев
 Полковник Метёлкин
 Полковник Сосков
 Подполковник Кипчаков
 Подполковник Абдинабиев
 Подполковник Яровой
 Полковник Епифанцев

СПИСОК ОФИЦЕРОВ И ПРАПОРЩИКОВ 114 МОТОСТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Подполковники:

Амирян (зам по тылу МСП, ушёл на должность начальника тыла СВВАКУ),
 Беликов,
 Бендюг (замполит МСП),
 Бочаров (начальник артиллерии МСП, прибыл к нам из Байрам-Али в дивизию с понижением с должности заместителя командира ракетной бригады),
 Васильев Пётр Фёдорович (командир батальона),
 Васильев Николай Александрович (зам по тылу МСП, прибыл к нам в дивизию с понижением, нас с ним судили судом чести в один день),
 Голубченко (командир батальона, ушедший вскоре военным комендантом города Уссурийска),
 Загоруйко (афганец, командир батальона),
 Диденко (зам по тылу танкового полка),
 Некрашевич Георгий (командир батальона),
 Максимович (зам по тылу МСП, ушедший после окончания академии на должность начальника тыла Арабского учебного центра в город Мары Туркм. ССР),
 Желтков (замполит МСП),
 Кузнецов (начальник штаба 2 МСП),
 Коротков
 Кузьмин
 Панин (замполит ЗЕНАП),
 Песков (начальник штаба танкового полка),
 Стоцкий Иван Григорьевич (начальник артиллерии 3 МСП),
 Штурбин и Шишлянников (танкисты),
 Шолохов (замполит МСП, настоящий политработник, мог часами не переставая болтать о чём угодно),
 Яргуниин (начальник штаба 1 МСП).
 Рузаев Толя (командир танкового батальона),

Песков Владимир (начальник артиллерии ТП),
 Свитов (начальник штаба ЗЕНАП),
 Шевцов (нач. службы РАВ),
 Шимкевич (нач. штаба МСП),
 Мурованный,
 Филипский Анатолий (командир батальона),
 Устюгов (мобист).
 Сурский
 Прокошенко Владимир
 Яровой,
 Рой
 Черкашин и Шишкин – начальники оперативного отделения дивизии
 Фёдоров (начхим дивизии)
 Стрельник – начальник связи дивизии
 Жемайтис
 Назаретян
 Зайцев
 Свинцов
 Кирвалидзе, начхим дивизии
 Фёдоров, начхим дивизии
 Кропотов
 Братчун
 Кальченко

Майоры

Бухаров,
 Влащик (уволен из армии после 3-х обширных инфарктов в связи с инвалидностью),
 Кержаев Василий (танкист),
 Денисенко (начальник штаба ракетного дивизиона, постоянно работал в финчасти),
 Скавронский,
 Прохожев,
 Котоменко (начальник связи МСП),
 Малаховский,
 Лантухов Володя (начхим МСП),
 Крысин (нач. штаба ракетного дивизиона)
 Мукумов (начхим МСП),
 Охатов (начальник артиллерии 1 МСП),
 Мирончук (начальник штаба ракетного дивизиона),
 Петров (танкист),
 Сапега,
 Сморгов (начхим МСП),

Утеушев Мубарак (командир батальона),
 Финчури́н Вади́м,
 Цацки́с Михаи́л,
 Шустер Ян (начхим МСП, разжалован в капитаны и был уволен из армии на 30% пенсии),
 Шевяков (врач),
 Смирнов Витя (связист),
 Тахтагулов
 Жирков
 Нестеренко Михаил,
 Аникеев Владимир (ЗЕНАП)
 Жирков
 Скры́нник Влади́мир
 Юрче́нко Алекса́ндр
 Юрче́нко Ива́н
 Макси́менко
 Улья́нов
 Казаев
 Ланту́хов
 Мазур
 Егоров Александр,
 Тищенко,
 Педько,
 Коцуба,
 Каштанов,
 Овсянников (замполит ЗЕНАПа),
 Антипов
 Ознобин Адольф
 Хлебодаров
 Бахтригер
 Швейкаускас
 Шустер

Капитаны и старшие лейтенанты

Бобков (уволен был на 30% пенсии),
 Баннов,
 Быков Игорь (мобист МСП),
 Богати́нов Серге́й (капитан, служил в выведенном из Афганистана танковом полку на полигоне в должности командира артиллерийской батареи, в 1985 году принял вместо меня, убывающего в Термез, должность командира артиллерийского дивизиона; в настоящее время генерал-лейтенант, Командующий ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск ВС РФ).

Кривцов (афганец, был уволен на 30%),
Коваленко (зампотех полка, был уволен на гражданку без пенсии),
Бойко Жора,
Дубков Александр,
Сенько,
Руга (зампотех МСП),
Пелешко,
Наврузов,
Максимцев,
Кривчин (начальник штаба разведбата),
Матлашевский Александр (мобист дивизии),
Савчук,
Ткаченко (мобист МСП),
Тараненко Игорь (зампотех МСП),
Сердюков Гена (начхим ЗЕНАПа),
Солодовников,
Цинский (мобист ЗЕНАПа),
Кучкин.
Ермаков (был женат на узбечке, дочери облвоенкома полковника Усманова)
Лаптев,
Егоров Анатолий (командир батареи зенитного полка)
Роцин, зам. комроты
Винокуров, мобист
Воробьев, мобист
Каштанов, мобист
Тедеев
Рудаков
Эйзенштейн Боря
Жердев
Шохин
Олейник
Пирогов
Лубенский Николай Павлович
Ломоносов
Тумаков
Кривцов
Громик
Панченко

Прапорщики

Блиндер (финансист),
Рабинович Евсей (фельдшер),

Ундаганов (стоял на не предусмотренной по штату нашей дивизии должности адъютанта Давыдова),
Басанело,
Василяускас,
Калдыбеков,
Иванченко (сосед по дому),
Кобелев,
Мурадов,
Бурханов
Муха,
Нам,
Лян,
Ким,
Пчелинцев,
Русу (отец и сын),
Рахманов,
Синицын,
Третьяков Володя,
Хусаинов Женя,
Эшев,
Музянов,
Эргашев
Чанчиков
Ли Герой,
Устинов,
Мелешко,
Кадыров,
Крикун,
Чучалин
Шадмонов Туракул (ЗЕНАП)
Коломиец
Бочкарёв

Служащий завскладом Коладенко (Мартыныч), участник Великой Отечественной войны.

СЕРЖАНТЫ И СОЛДАТЫ:

Сопляков Иван Ильич,
Матвиюк,
Махмудов,
Шнякин Пётр,
Максимович,
Валерий Тимченко и Юльчиев (водители командира дивизии),

сержант Галкин (артполк)
Семеняк

14.04. 2021 г